

к 63.5
291

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ
И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллич. пред. выдач.

3/х1

12/х1

11/х1

16/х1

3 ТМО Т. 1 млн. 3. 3986—83

63.5721-
791
ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧИАССР

✓
971045 211321
ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ
И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ
✓

Грозный — 1986
И Л И А Л
Центральной библи. зам
с. В Ачалуки
Малгобекского района

Печатается по постановлению ученого совета Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» института истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР. (Темплан 1986 года).

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Сборник научных статей ЧИИИСФ. 1986 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

З. А. Мадаева (ответственный редактор),
В. Б. Виноградов, В. Д. Изюмский.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Я. С. Смирнова, доктор исторических наук;
Л. В. Остапенко, Я. З. Ахмадов, М. Х. Багаев, Т. С. Магомадова,
кандидаты исторических наук.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение этносоциальных и культурно-бытовых процессов является одной из актуальных проблем современной исторической науки. Это вытекает, в частности, и из исторических решений XXVII съезда КПСС в области основных направлений социальной политики партии. Немалый вклад в исследование этой проблемы внесли советские этнографы, разработавшие типологизацию и классификацию этнических процессов (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Т. А. Жданко и др.). В их трудах этнические процессы понимаются как в узком, так и в широком смысле слова. Первое понятие включает в себя процессы, ведущие в конечном итоге к изменению этнической (национальной) принадлежности и отражающие скачкообразный переход этноса в новое состояние. В широком же смысле слова под этническими процессами подразумеваются любые (в том числе и социальные) изменения того или иного компонента этноса, ведущие в конечном итоге к его эволюции (Ю. В. Бромлей). И тот, и другой аспекты этнических процессов, происходящих как в стране в целом, так и в отдельных ее регионах, активно исследуются в советской этнографии. В частности, различные стороны этнического и культурно-бытового развития народов Северного Кавказа и Закавказья XIX—XX вв., характерные стороны их жизни, быта, хозяйства и культуры изучаются специалистами сектора этнографии народов Кавказа Института этнографии АН СССР (Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. — М.: Наука, 1978). Однако не все народы Северного Кавказа изучены в этом отношении в равной степени. Недостаточность разработки соответствующих вопросов наблюдается в этнографии коренных народов Чечено-Ингушетии — чеченцев и ингушей. А более полная картина развития этноса возможна лишь путем углубленного и широкого изучения этнических процессов, социальных и культурно-бытовых изменений.

Очередной этнографический сборник, предлагаемый читателю, и является первым опытом в демонстрации и исследовании неко-

торых аспектов проблемы на примере двух отдельных этносов. По установившейся традиции в подготовке настоящего сборника принимали участие не только этнографы сектора археологии и этнографии ЧИИИСФ, но и специалисты кафедры всеобщей истории ЧИГУ, а также аспирантка сектора конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР. Сборник, подготовленный на основе нарративных источников, статистических данных, архивного и полевого материала, состоит из объединенных общей проблематикой статей, посвященных различным темам.

Авторский коллектив, понимая, что в настоящем сборнике, крайне небольшом по объему, невозможно исчерпать вынесенную в заглавие проблему, останавливается лишь на отдельных ее сторонах, касаясь неизученных в полной мере вопросов истории и этнографии (в частности, современной) коренных народов Чечено-Ингушетии. Представляется, что предлагаемая тематика окажется нужной и интересной не только историкам, этнографам, социологам, но и широкому кругу читателей.

Сборник, скомплектованный по хронологическому принципу, открывается статьей В. Б. Виноградова «К оценке социально-этнических процессов у населения горной Чечни в XVII в. (на примере Аргунского ущелья)». Автор, основываясь на архивных источниках и нарративных данных, излагает свое понимание одного из вопросов генезиса феодализма у вайнахов — формирования феодальных отношений у населения весьма интересной в этнографическом и историческом плане локальной территории Чечено-Ингушетии — горном Аргунском ущелье.

Этносоциологического характера статья Г. В. Заурбековой «Основные тенденции изменения социально-классового состава населения Чечено-Ингушетии за годы Советской власти» посвящена исследованию процесса формирования социально-классового состава населения. Автор поэтапно рассматривает изменения социальной структуры наиболее крупных национальностей республики (чеченцев, ингушей, русских) и подчеркивает при этом прямую зависимость между социально-классовым составом и образовательным уровнем населения; значительное место отводится в статье динамике выравнивания социально-классовой структуры населения Чечено-Ингушетии и анализу факторов, влияющих на интенсивность этого процесса. Статья фактически впервые открывает для всестороннего исследования весьма важную научно-социальную проблему.

Статья З. А. Мадаевой «Социально-культурные изменения в сельских районах Чечено-Ингушетии (на примере совхоза «Шалинский»)» написана в основном на полевых материалах и материалах периодики, собранных самим автором. Исследуя небольшой локальный коллектив, автор прослеживает отдельные аспекты происходящих в нем социальных и культурно-бытовых изменений,

стремится выявить этнические особенности, характерные для этноса в целом. Интересно обращение к нетрадиционной для вайнахов форме хозяйства — свиноводству, все более широко прививаемому в республике.

Завершает основное содержание сборника статья З. И. Хасбулатовой «Отражение социально-культурных изменений в современной семье чеченцев и ингушей (50—80 годы)». Автор на основе широких полевых и статистических материалов прослеживает изменения, происходящие в культуре и быте современной семьи вайнахов на фоне общих экономических и социально-культурных преобразований. Рассматриваются также такие черты и функции семьи, как структура, личностные взаимоотношения, детность и др. Подчеркивается, что интернационализация быта, наряду с другими факторами и вопреки тормозящему влиянию устаревших, изживших себя традиций, ведет к складыванию и развитию нового социалистического образа жизни.

В кратком заключительном обзоре подводятся некоторые итоги издательской деятельности этнографического актива ЧИИИСФ в серии соответствующих сборников и намечаются перспективы на будущее.

Такое краткое содержание сборника, частично отражающего работу сектора археологии и этнографии. Авторский коллектив и редколлегия надеются, что публикуемые в нем материалы найдут свое место в изучении этнографии Чечено-Ингушетии и вызовут положительный отклик у читателей. Подготавливая к печати этот небольшой сборник, мы руководствовались и установкой XXVII съезда КПСС о том, что «людей наших надо воспитывать так, чтобы они были ревностными хранителями духа народного», ибо история, революционные преобразования, их памятники и свидетельства — «это моральный источник воспитания народа».

Редколлегия и авторский коллектив глубоко признательны рецензентам, рассмотревшим сборник в целом и отдельные статьи: консультанту сектора этнографии народов Кавказа Института этнографии АН СССР, д. и. н. Я. С. Смирновой, научному сотруднику сектора конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР, к. и. н. Л. В. Остапенко, к. и. н., доцентам ЧИГУ М. Х. Багаеву и Т. С. Магоматовой, старшему научному сотруднику ЧИИИСФ, к. и. н. Я. З. Ахмадову.

Редакционная коллегия

В. Б. Виноградов

К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ В XVII ВЕКЕ

(на примере Аргунского ущелья)*

Проблема объективной оценки уровня общественных отношений в дореволюционной Чечено-Ингушетии остается одной из наиболее актуальных и дискуссионных в местной истории, что, в частности, явственно вытекает из содержания ряда новейших аналитически обобщающих работ, касающихся толкования социально-этнических процессов в среде вайнахов, особенно в период XVI—XVII вв.¹ В решении ее постоянно возрастает роль традиционных этнографических изысканий², по еще больше — исследований комплексного характера, синтезирующих разнообразные историко-филологические источники, среди которых вес собственно этнографических или поддающихся этнографическому осмыслению данных всегда заметно велик³. В качестве веского примера такого рода должна быть названа и специальная статья Е. Н. Кушевой и М. Н. Усманова, близкая по теме и источникам к данной работе, выполненной в ее развитие и уточнение отдельных позиций⁴.

Тенденция комплексного подхода получила веское подтверждение на региональной научной конференции «Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа» (Махачкала, 11—12 июля 1980 г.), в опубликованных материалах которой удельный вес выводов, построенных на внимательном учете историко-этнографической информации, достаточно высок (см.: Тезисы докладов. Махачкала, 1980).

Вместе с тем, сегодня, как никогда ранее, остро сознается тот факт, что правильное и перспективное толкование закономерностей и характера соответствующих процессов в общих границах региона или его отдельных крупных (основных) этнополитических

* Этнографическую карту размещения чеченских «обществ, фамилий и тайтов (в том числе в Аргунском ущелье и его округе)» см.: Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечено-Ингушетии. IV часть. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1985. — С. 220—221.

областях и этносоциальных образованиях невозможно без попыток глубокого и детального уяснения их специфики в конкретных узколокальных проявлениях. Предлагаемая статья как раз и преследует эту цель, концентрируя внимание на уловимых ныне особенностях исторического хода классового образования в этносоциальной среде вайнахского населения Аргунского ущелья, причем автор не просто суммирует, но в известной мере и уточняет некоторые свои прежние представления на этот счет⁵.

Накопленная база источников, многолетние результативные исследования Е. Н. Кушевой, работы Н. П. Гриценко, С. Ц. Умарова, Т. С. Магомадовой, Т. А. Исаевой и др. позволяют ныне существенно приблизиться к конкретному решению вопроса о характере общественных (этносоциальных) условий и раннефеодальной иерархии XVII в. в ущелье реки Аргун (горная Чечня), сыгравшем, в частности, значительную роль в системе русско-вайнахских, вайнахо-грузинских и русско-грузинских взаимоотношений⁶. При этом необходимы: объективная трактовка имеющихся письменных свидетельств⁷, а также синтез нарративных данных с материалами этнографии и фольклора, лингвистики, археологии и т. п., сопоставление локальных выводов с социально-политической панорамой всего средневекового «вайнахского этноса» и его окружения.

Учитывая особенности генезиса феодализма у горцев Кавказа, уже получившие освещение в специальной литературе⁸, нереально наделять аргунскую верхушечную прослойку зрелыми феодальными прерогативами. Вместе с тем, неправомерно и сводить проблему к всегдашнему отставанию процесса феодализации у горных вайнахов по сравнению с равнинными, к переоценке «демократизма» местной общественной структуры.

Неточно утверждение, что русские источники XVII в. не знали в горских «землицах» владельцев⁹, а высказанное мнение, что «владельцы» и «начальные люди» Шибутской и других приаргунских земель (приравливаемые притом к «выборным лучшим людям» Мичкинской земли 1647 г.) — равноправные старшины, «выдвинувшиеся из среды рядовых общинников»¹⁰, чрезмерно пивелирует ситуацию, затемняет ее высокую вариабельность в рамках

* Автор искренне благодарен доктору исторических наук Е. Н. Кушевой и кандидату исторических наук Т. С. Магомадовой за помощь, оказанную в привлечении архивных источников, частично уже опубликованных, по данной теме. Считаю себя обязанным отметить также, что один из рецензентов статьи кандидат исторических наук Я. З. Ахмадов высказал мысль о том, что «честь открытия интереснейших документов XVII в. в архиве ЛОИИ, связанных с историей Чечено-Ингушетии, принадлежит Т. А. Исаевой», которая «предоставляла в свое время эти материалы Е. Н. Кушевой для пополнения ее сборника документов по русско-вайнахским связям». Это побудило в соответствующей сноске к данной статье (30) отослать читателя к работе, затрагивающей используемый источник.

постоянно возобновляющейся раннефеодальной шкалы. Последняя пуждается в специальной оценке, которая должна, в частности, преследовать цель выяснения соответствия и реального содержания социальной терминологии русских источников (или вайнахских по происхождению, но русскоязычных) и вайнахской общественной лексики. Эта задача (так же, как и подобная цель в будущем для грузиноязычных документов) весьма актуальна в дальнейших историко-этнографических изысканиях.

Бесспорно, что в некоторых источниках термин «начальные люди» обозначает старшин и основателей небольших «фамильных» поселков («всякий владеет своей деревней»), причем четко прослеживается установление наследственной преемственности в выполнении общественных функций (например: Лаварсанко Языев и Затышко Лаварсанов; Дика и его сын Алхан)¹⁰. Материалы, связанные с миссией М. Молчанова в Шибутской земле (1659 г.), свидетельства тушин и другие источники середины XVII в. содержат понятие «жилицкие люди», «жители» (то как эквивалент, то как альтернативу «начальным» людям, «владельцам»), которые противопоставляются «служилым» («ратным») людям и «крестьянским дворам», то есть рядовым общинникам, в численном соотношении 1:12¹¹. Такие факты перспективно оценивать с позиции сопоставления традиционных вайнахских представлений о «коренных» (сильных) и «пришлых» (неравноправных) семьях, «фамилиях», «тайпах» в каждой конкретной местности¹² и старинных историко-диалектных вариаций русских понятий «житель», «жилец», «житый человек», «жихарь» и т. п., обозначающих коренного, некогда живущего тут, старожила, а одновременно — бывалого, опытного, богатого, зажиточного человека, домохозяина¹³. Ясно, что «жители Аргунского ущелья, как и соседней Тушетии — представители состоятельной и общественно лидирующей прослойки, в том числе старшинской, в небольших (5—25 дворов) селениях. Возможно, именно с этой прослойкой следует сопоставлять такие вайнахские понятия, как «даьхи да» (букв.: отец скота) и «тоьлла нах» (букв.: одержавшие верх люди), в которых больше «имущественной подоплеки», чем социальных прерогатив*.

Внутри нее таились мощные резервы социального динамизма. В качестве примера можно привести шибутскую (шатоевскую) «династию» Дики-Алхан, биография которой, как представляется, поддается реконструкции. Полагаю, что история «Дикеевой деревни», зафиксированной источниками в округе Аргунского ущелья в середине XVII в., началась не ранее 1618 г. в связи с последствиями похода аварского хана на «шибутские» и другие вайнахские «кабаки». Последний был поддержан кабардинскими князья-

ми и русскими властями на Тереке. Этот поход, вероятно, преследовал цели разделения зон влияния различных внешних феодальных сил в горной зоне Чечено-Ингушетии и подавления естественного сопротивления вайнахов этой практике. После данных событий и предполагается отселение зажиточного общинника Дики из «Баранцева кабака» (селение Варанды), традиционно платившего небольшой «ясак» дагестанским феодалам.

Адаты XVII в. у аварцев сохранили известия о довольно скромном «штрафе» в пользу джамаата, налагаемом на того, кто «удалится от них без их общего разрешения» («штраф» этот составлял «семь коров в качестве выкупа»)¹⁴. Едва ли обычное право чеченцев существенно отличалось в этом вопросе.

Считаю возможным, вслед за Х. Д. Ошасвым и Е. Н. Кушевой, сопоставлять с именем «Дикеевой деревни», основанной шибутскими выходцами, старинное селение Дики-Юрт в нескольких километрах от селения Варанды по направлению к северу, к равнине¹⁵. В нем самостоятельность Дики заметно возросла, отчего увеличилась и его общественная влияние.

До конца 20-х годов XVII в. в числе «шибутских людей», нападавших на русские казачьи городки, сохранявшиеся еще на левобережье Сулжи и в районе Качкалыковского хребта¹⁶, упоминаются «Арасланко да Декидко, а с ними человек с 30». Они захватывали скот и другую добычу¹⁷. Второе из личных имен шибутских предводителей этих набегов прозрачно связано с именем Дики («Дика» — по-вайнахски «хороший»), что позволяет отождествлять их носителей.

«Дурование» части шибутов (так аттестовали их действия терские власти) стало поводом для соответствующих действий русской администрации на Тереке в союзе с «кабардинскими и кумыцкими князьями и мурзами». В их результате беспокойных шибутов «потеснили», то есть ослабили и поставили под контроль. Во всяком случае, в дальнейшем Дикеева деревня называется уже в зависимости от некоего кабардинского князя Аслахана Тарханова, а жители ее не фигурируют больше в числе «непослушников» России. Но другая часть шибутов именуется в источниках 40-х годов «кумыцкими шибутскими людьми». Она вступает в подданство России в 1647 году, когда «шибутские начальные люди Алги да Анак да Ильдей с товарищи с кабаками своими с Баранцевым (Варанды) да Тумцоевым (Тумсой) да с Шандоровым (скорее всего Вашиндарой, но не Центорой, как отмечалось в литературе¹⁸, ибо последний лежит в юго-восточной Чечне и удален от «шибутской земли». — В. В.) да с Уйшевым (Ошии? — В. В.) учинились под твоей государевою высокою рукою в прямом холопстве и правду дали, на куране шерть учинили»¹⁹. Примечательно, что принимал «шерть» (мусульманскую присягу) Танжехан Тарханов, в зависимости от вероятного брата которого Аслахана

* Весьма благодарен кандидату исторических наук, заслуженному деятелю науки ЧИАССР С. Ц. Умарову за лингвистические консультации.

и состояла Диксва деревня, чьи обитатели — представители того же Шибутского джамаата — уже устойчиво находились в русской политической орбите.

Ведь еще к 1642 г. «шибутенни Диксва сын Алхан», будучи вассалом кабардинского мурзы, превращается во влиятельную фигуру не только в границах своего родного общества, но и в русско-грузинских взаимоотношениях. В источниках зафиксированы его поездки в «Грузинскую землю», откуда он привозит «от грузинского царя лист грузинским письмом» и притом говорит, что «послал де тот лист с ним, Алханом, грузинский царь, а велел отвести на Терек», то есть в русский Терский город²⁰.

Действия христианина Алхана и подобных ему «начальных людей» олицетворяли позицию дружественной России части шибутов, находившихся в тесных и двусторонних контактах с Грузией и Тушетией²¹. Исключительно велика роль Алхана в событиях 1657—1658 гг., увенчавшихся принятием русского подданства в Кремле, в Успенском соборе, от имени схода «трех-четырёх селений Шибутского джамаата»²². Интересна и знаменательна эта расплывчатость цифры («три-четыре селения»), тогда как в письме шибутов прямо называется именно три селения (Варанти, Чечаты и Тонса), от которых и направлено ровно три посланца к русской администрации²³. Полагаю, что это и есть следствие того, что источник подразумевал под четвертым селением Диксву деревню — отселок от Варанды и место обитания Алхана, представлявшего в данном случае интересы жителей обоих селений.

Важно подчеркнуть, что общественный вес посланцев Шибутского джамаата не был одинаков, хотя все они, бесспорно, принадлежали к числу влиятельных лиц. Алхан среди них — бесспорный лидер. Это явствует не только из контекста документов. На это определенно намекает факт скрепления шибутского послания единственной перстневой печатью. Но главное, — что статус Алхана в Москве был приравнен к иноплемennым феодалам и лидерам (балкарскому таубию Артутаю и двум из 9 прибывших тушинских старшин), в результате чего он был одарен вдвое по сравнению с другими шибутскими посланцами²⁴. Можно считать, что Алхан не просто старшина, а вожак джамаата, выдвигнувшийся в силу зажиточности, семейной влиятельности и личных заслуг.

В чеченском песенном героическом эпосе сохранились, возможно, воспоминания об этом важном событии в истории русско-вайнахских отношений²⁵. Так, «Илли о князе Кахарме Кабардинском» повествует о том, как некий, по оценке Х. В. Туркаева, «известный в народе и любимый им герой» Астемир из Шатоя побывал в Москве, где был принят русским царем и щедро одарен им за ценные вести, доставленные с Кавказа, за личную храбрость и верность²⁶. Понятно, что фольклор — источник специфический,

подверженный хронологическим и сюжетным контаминациям²⁷. «Илли о князе Кахарме Кабардинском» нуждается в специальном анализе (в том числе и состава личных имен в нем). Но общая канва илли заметно перекликается с событиями, известными нам из документальных свидетельств середины XVII в., связанными с деятельностью исторических личностей «Шибутского джамаата». Могут найтись и другие аналогичные данные.

Термин «владельцы», встречающийся в документах о феодализирующейся верхушке Аргунского ущелья середины XVII в. (как и определение «начальные люди»), мог часто подразумевать именно предводителей тайпов («тайлапан хьалханча»), в том числе тех, которые задавали тон в местных союзах тайпов-тукхумов (Шибуты, Терлой, Чанты, Чипухой и др.), как их понимал М. Мамакаев. Историческая активность аргунских вайнахов тогда резко возрастала и существенно сказывалась на функционировании русско-грузинских связей²⁸. Усилившиеся попытки военно-политической экспансии грузинских феодальных кругов и тушинских старшин встречали крепкий отпор, что можно подтвердить, в частности, фортификационными особенностями некоторых важнейших оборонительных комплексов в Чанты-Аргунском каньоне, предназначенных для отражения опасности именно с юга, со стороны Грузии²⁹. В этой борьбе также возрастала общественная роль местных вожakov.

Значительный, если не бесспорный, социальный вес шибутской верхушки в глазах русской администрации может быть подтвержден фактом регулярного приема аманатов от этих предводителей. Об аманатах идет речь в шибутском послании 1658 года. Но и до того (в 1653 г., например) «шибутский начальный человек Айдамир» хлопотал о замене его сына Бисяша (по истечении двухлетнего его пребывания в Терках) аманатами от «иных шибутских начальных людей»³⁰.

Все это явно отличает местную ситуацию от случаев, аналогичных принятию в русское подданство в 1647 г. Мичкинской земли, отказавшейся выдать аманатов, так как в ней не оказалось «начальных людей» в привычном для вайнахов понимании³¹. Это существенное отличие, к сожалению, не привлекло пока должного внимания исследователей.

Рядом с наследственной уже старшинской верхушкой (а постепенно и тесня ее) становились сперва выборные, а затем удерживающие эту власть силой тайповые военачальники («бьяччи»), давно привлекавшие интерес тех, кто работал с фольклорными источниками (Х. Д. Ошаев, И. Б. Мунаев, С. Ц. Умаров, Я. С. Вагапов и др.), но оставшиеся вне внимания историков, рассматривавших процессы классообразования у вайнахов в XVI—XVII вв. Но ведь именно они прежде всего подразумеваются в таких сообщениях русских источников, как свидетельство об участии «ши-

бутских владельцев» «со своими людьми» в нападениях (совместно с шахскими иранскими войсками и дружинами кумыкских феодалов) на Сунженский острог в 1651 и 1653 гг. и иных удаленных военно-политических акциях, являвшихся по адатам прерогативой «бяхчи».

Народная память — чеченский фольклор — сохранила сюжеты, позволившие их исследователям сделать вывод о перерождении военных вожаков в притеснителей и даже угнетателей своих однообщинников, о присвоении ими широких общественных функций³². В Аргунском ущелье предания и топонимика, восходящие к XVI—XVII вв., называют их социальным термином «эли» (князь), возвышая над традиционной общинной верхушкой, выделяя из нее³³. «Эли» стремились поставить себя над многими традиционными общественными институтами, подчинить их своей воле.

Ограниченный уровень производительных сил и чрезвычайная устойчивость общинных традиций и психологии определили краткосрочность и сугубую индивидуальность самочинных узурпаторов-князей. Их конечная судьба была, как правило, изгнание (изгнание, а чаще убийство нежелавшими смириться с их произволом общинниками). Но хотя такие суровые «общественные наказания» повторялись не раз, они не останавливали других (исторически неизбежных) претендентов в число раннефеодальной прослойки, встававших над общиной.

Нарождающееся сословие аргунских, как и иных чеченских «эли» (не говоря уже о других категориях «начальных людей»), не достигло и не могло достичь уровня «подлинно благородных» феодалов-князей. Беспочвенность попыток усмотреть в нем истоки княжеской фамилии Турловых и приписать ему развитый феодальный статут³⁴ очевидна в свете новейших исследований³⁵. Зыбкость и незавершенность общественной позиции «собственных» местных «владельцев» определялись отчасти и тем, что большинство чеченцев по Аргуну находилось в системе феодальных связей и подчинения (пусть даже относительного) с правящими кругами Грузии (в том числе Тушетии), Дагестана, Кабарды, не заинтересованными в чрезмерном укреплении чеченских конкурентов. Не случайно в своем послании русскому государю шибуты называли грузинского правителя Теймураза «нашим царем» и просили принять их вслед за ним в русское подданство³⁶.

В этой специфической обстановке могла проявляться и тенденция полного перехода отдельных представителей вайнахской социальной верхушки на службу феодальных образований и династий. Хочу обратить в этой связи внимание на так называемого «грузинского дворянина» Ивана Мамукина, чья личность ярко отразилась в источниках по русско-грузино-вайнахским отношениям 50-х годов XVII века. Она нуждается в пристальном рассмотрении³⁷.

Иван Мамукин сопровождал в 1656 г. в Москву грузинских царевну Елену и царевича Ираклия (внука Теймураза) и верно служил, осуществляя неоднократно поездки на Кавказ и обратно. Он устойчиво именуется в документах «азнауром грузинского Теймураза царя». Но в источнике 1658 г. (период апогея его известности и хлопот) он назван «азнауром шибутянином Иваном Мамукиным с товарищами» (в числе последних — девять «начальных владетельных людей» из Тушетии, «да Шибутские земли владельцев два человека»)³⁸.

Не был ли Иван Мамукин этнически чеченцем, — выходцем (возможно даже во втором поколении) из Шибутского джамаата, оказавшимся на постоянной службе грузинского царя и принявшим «святое крещение»? Подобные примеры в практике раннефеодальной верхушки горцев Северного Кавказа вовсе не единичны³⁹. Или Иван Мамукин — прирожденный грузинский дворянин, которому вассально подчинялась какая-то часть шибутов, уверенно аттестованных им, кстати, как христиане? И то, и другое крайне любопытно и знаменательно.

К слову сказать, вряд ли случайно, что убийство энергичного исамского миссионера Абу-Муслима чеченское народное предание связывает с сопротивлением его проповедям жителей округа селения Варанды⁴⁰, то есть того самого района, откуда депутаты шибутов-христиан выезжали в 1658 г. в Москву и с которым связано большинство рассматриваемых в статье событий.

Отмечу здесь же, что социальная структура как будто бы прослеживается яснее у той части шибутов, которая сохраняла (или вновь оживила у себя в XVI—XVII вв.) христианское вероисповедание. Наблюдается она, однако, и в местных обществах, подвергшихся исламизации, уровень которой в разных частях Аргунского ущелья был к середине XVII в. весьма различным⁴¹. Существенно, что по крайней мере однажды (упоминание в числе «начальных людей», принесших присягу России в 1647 г., представителей «Уйшева кабака») проскальзывает намек на традиционный социально-имущественный вес и авторитет «языческого» жречества. Е. Н. Кушева, пользуясь консультациями Х. Д. Ошаева, сопоставила название Уйшева кабака с чеченским именем Ойша (от него — Ошасвы). Согласно наблюдениям С. Ц. Умарова, которыми он любезно поделился со мною, в основе вайнахских фамилий, звучащих сегодня как Аушвы, Ошаевы, лежит термин «овш» (онш). Это свидетельствует о табуированном характере их средневековых носителей, что подтверждается хорошо известными жреческими прерогативами ингушских Аушвых (видной, если не ведущей фамилией служителей культа в Галгачне). Резонно считать, что «начальные люди» уже исламизированного Уйшева (Ойшина) «кабака» — это старшины, ведущие свое происхождение от аналогичной чеченской жреческой династии.

Жреческая же среда у средневековых вайнахов⁴² обычно играла исторически закономерную роль фермента, способствующего, как и повсеместно, активному разложению общины⁴³.

Оценивая пути и средства формирования местной господствующей прослойки, следует особо подчеркнуть важность истинного уяснения места и роли шибутских и иных приаргунских «начальных людей», «владельцев» на ступенях полиэтнической и многоступенчатой феодальной иерархической лестницы, включавшей в себя кроме них самих (в данном конкретном случае) русского царя, кахетинского царя, кабардинских, кумыкских, аварских князей и мурз, тушинских старшин.

Намеченный подход, как думается, перспективен для толкования особенностей генезиса феодализма в высокогорной Чечено-Ингушетии, к которой в известной мере приложимо указание Ж. Демюзия: «Нельзя еще говорить о феодализме, но «кадры» кажутся уже готовыми»⁴⁴. Складывавшиеся тут раннефеодальные отношения были скованы цепкими и прочными традициями постродовой (патронимической) общины, превращающейся в тайповую структуру (в отличие от синхронных более развитых и более «чистых» сельско-общинных условий на равнине). Эти традиции, сохраняя такой реликт первичной социальной схемы, как принцип старшинства⁴⁵, хотя и отрицали развитие феодальных отношений в среде вайнахов, но одновременно предоставляли большой простор для разных вариаций на пути феодализации местного общества.

Из сказанного вытекает, что сегодняшнее состояние изученности вопросов истории сельской общины еще далеко от необходимого уровня⁴⁶ и отмечено явственно видной тенденцией схематизации и нивелировки хронологических и локальных (этнокультурных и бытовых) особенностей. Очевидно, что проблема требует дальнейшего углубленного исследования, подразумевающего синтез всех наличных данных, в том числе и этнографических.

1. Виноградов В. В. Генезис феодализма на Центральном Кавказе// Вопросы истории. — 1981. — № 1. — С. 35—50; Исаева Т. А., Исаев С. А. А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI—XVIII вв.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII—начало XX в.). — Грозный. — 1982. — С. 41—48; Магомадова Т. С. Русско-вайнахские отношения в XVI—XVIII вв. — Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1984. — С. 10; Бараниченко Н. Н., Виноградов В. В. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI—XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. — Грозный. 1984. — С. 116—126.
2. Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии// Кавказский этнографический сборник. — 2: Очерки этно-

графии горной Ингушетии. — Тбилиси: Мецниереба, 1968. — С. 127—165; Саидов И. М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей// Археолого-этнографический сборник. 2. — Грозный, 1968. — С. 260—289; Мамакаев М. Чеченский тайп в период его разложения. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973.

3. Виноградов В. В., Умаров С. Ц. Очерки этнографии горной Ингушетии: Рес. на «Кавказский этнографический сборник», 2. Тбилиси, 1968// Вопросы истории Чечено-Ингушетии. — Вып. 10. — Грозный, 1976. — С. 347—348; Чахкиев Д. Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами-«гогофами»// Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. — Грозный, 1981. — С. 52—58.

4. Кушева Е. Н., Усманов М. Н. К вопросу об общественном строе вайнахов// Советская этнография. — 1978. — № 6. — С. 99—110.

5. Виноградов В. В. «Начальные люди» и «владельцы» XVII в. в Аргунском ущелье// Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа (тезисы докладов). — Махачкала, 1980. — С. 57—59.

6. Бузуртунов М. О., Виноградов В. В., Умаров С. Ц. На века вместе (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1980. — С. 32—36; Вехи единства: Сборник статей, посвященный 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. — С. 26—29, 82—86; Виноградов В. В., Бараниченко Н. Н. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XVI—XVII вв.// Известия АН Груз. ССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. — Тбилиси: Мецниереба, 1980. — № 3. — С. 72—83.

7. Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе// Советская этнография. — 1978. — № 2; Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ// История СССР. — 1975. — № 6; Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. — Л.: Наука, 1978. — С. 14—32; Виноградов В. В. Генезис феодализма... — С. 35—50.

8. Кушева Е. Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа// Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. — М.: Наука, 1969. — С. 182.

9. Кушева Е. Н., Усманов М. Н. Указ. соч. — С. 107.

10. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. — М.: Наука, 1963. — С. 79—80; она же. О некоторых особенностях... — С. 183.

11. Кушева Е. Н., Усманов М. Н. Указ. соч. — С. 103—105; Цинцадзе Я. З. Из истории взаимоотношений горцев Грузии с Россией в середине XVII в.// «Мнатоби». — Тбилиси. — 1956. — № 2 (на груз. яз.). — С. 85.

12. Виноградов В. В., Умаров С. Ц. Указ. соч. — С. 347—348.

13. Даль В. Л. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 1: А—З. — М., 1978. — С. 542, 545.

14. Айтберов Т. М. Недавно найденные адаты аварцев XVII в.// Советская этнография. — 1977. — № 6. — С. 111—116.

15. Виноградов В. В. Тайны минувших времен. — М.: Наука, 1966. — С. 33—35.

16. Магомадова Т. С. Расселение гребенских казаков в XVI—XVII вв.// Археология и краеведение — вузу и школе: Тезисы докладов. Грозный: ЧИГУ, 1981. — С. 15—16 (там и библиогр. фия).

17. Рукописный фонд Дагестанского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 440.

18. Кушева Е. Н. Народы... — С. 79; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. — Т. I. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967. — С. 56.
19. ЦГАДА, Кумыкские дела, 1647 г., лл. 2—3.
20. Полневиков М. А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию (1640—1643 гг.). — Тифлис, 1828. — С. 81.
21. Шавхелишвили А. Н. Из истории горцев Восточной Грузии// Тушетия XVI — первой половины XIX в. — Тбилиси: Мецниереба, 1983. — С. 136—168.
22. Кушева Е. Н. Усманов М. Н. Указ. соч. — С. 99—110.
23. Сравните варианты прочтения наименования селений: Исаева Т. А., Исаев С.-А. А. Указ. соч. — С. 46; Магомадова Т. С. Русско-вайнахские отношения... — С. 14.
24. Виноградов В. Б. Время, горы, люди. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1980. — С. 22.
25. Бузуртунов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. На вечные времена//Вехи единства. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. — С. 29.
26. Илли: Геронко-эпические песни чеченцев и ингушей. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1979. — С. 142—154.
27. Поэтика чеченских героических песен илли. — Грозный, 1983.
28. ЦГАДА, Грузинские дела, 1665 г., лл. 95—99; См.: Кушева Е. Н., Усманов М. Н. Указ. соч. — С. 107, сн. 16.
29. Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье// Советская этнография. — 1954. — № 1. — С. 102.
30. Архив ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, № 2619, л. 1; См.: Исаева Т. А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в. //Вопросы истории классобразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI — начало XX в.). — Грозный, 1980. — С. 33—34.
31. Крикунова Е. П., Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII в.//Ученые записки Кабардино-Балкарского госпединститута. — 13. — Нальчик, 1957. — С. 83, 84, 108.
32. Мунаев И. Б. О взаимодействии героико-исторических песен и сказок в чечено-ингушском фольклоре// Фольклор и историческая действительность: Тезисы докладов. — Махачкала, 1976. — С. 79; Туркаев Х. В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. (Роль русской литературы и родного фольклора в становлении национальных литератур. 60-е годы XIX — 40-е годы XX века). — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1978.
33. Умаров С. Ц. Исторические предания о чеченских средневековых башнях и замках//Тезисы докладов IV Крупновских чтений. — Орджоникидзе, 1974. — С. 61—62; Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. — Ч. 1. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1976. — С. 14, 20, 30, 41 и др.
34. Исаева Т. А. Феодалные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке// Вопросы истории Чечено-Ингушетии. — Т. XI, Грозный, 1977. — С. 82—86.
35. Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Известия арабо-язычных документов XV—XVIII вв. об общественных отношениях у вайнахов// Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII—начало XX в.). — Грозный: ЧИИИСФ. — С. 61—65.
36. Бараниченко Н. Н., Виноградов В. Б. Указ. соч. — С. 118.
37. Виноградов В. Б., Бараниченко Н. Н. Об одном аспекте... — С. 82, сн. 68.
38. Исаева Т. А. Материалы Астраханской приказной палаты как источник для изучения социально-экономической и политической жизни Чечено-

Ингушетии в XVII в.// Вопросы истории Чечено-Ингушетии. — 11. — Грозный, 1977. — С. 177.

39. Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Начало тесного знакомства// Вехи единства. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. — С. 80—81; Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Две заметки о ранних русско-северокавказских связях// История, этнография и культура народов Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1981. — С. 55; Виноградов В. Б. Балкарцы в русско-кавказских отношениях XVII века. — Вопросы истории. — 1985. — № 6. — С. 176.

40. Саидов И. М. Указ. соч. — С. 266.

41. Магомадова Т. С. О времени исламизации населения Аргунского ущелья// Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. — С. 80—84; Мужухоев М. Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам// Археологические памятники Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1979. — С. 144—145; Виноградов В. Б., Межидов Д. Д., Успаев Г. И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1981. — С. 57—62.

42. Бараниченко Н. Н., Виноградов В. Б. Роль жречества у средневековых вайнахов// Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. — Грозный, 1979. — С. 132—145; Бараниченко Н. Н. Религиозные верования и обряды как показатель социальной дифференциации средневекового вайнахского общества// Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: Тезисы докладов. — Махачкала, 1980. — С. 86.

43. Андреев И. Действительная диалектика «Анти-Дюринга»// Коммунист. — 1978. — № 18. — С. 49—50.

44. G. Dumézil. La société skythique avait-elle classes fonctionnelles?// Indo-Iranien Journal. — Vol. 5. № 3. — Paris, 1962. — С. 198—199.

45. Андреев И. Л. К. Маркс о закономерностях развития общины// Вопросы истории. — 1979. — № 12.

46. Исаева Т. А., Исаев С.-А. А. Указ. соч. — С. 41—45.

Г. В. ЗАУРБЕКОВА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Социальная структура является одной из важнейших характеристик этносоциальных общностей, показателем их социально-экономического развития и типа общностей. Сходство или различие в социальной структуре этносов во многом определяет особенности их взаимодействия в хозяйственной, культурной и других сферах жизни, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на ход этнических процессов как внутри республик, так и в масштабах всей страны. Изучение изменений социальной структуры наций имеет большое значение и для познания уровня их социально-экономического развития, и для понимания социальной

ситуации, в которой осуществляются межнациональные контакты. С победой социализма у всех народов Советского Союза сложилась однотипная социальная структура, но, как известно, это не означает полного сходства социально-классового, социально-профессионального состава национальностей, темпов мобильности и т. д. Особенности общих социальных процессов у каждого народа обуславливаются многообразием исторического пути их развития как в дореволюционные годы, так и в условиях социализма.

В настоящей статье сделана попытка, используя данные все-союзных переписей населения, проанализировать динамику социального состава основных контактирующих в условиях Чечено-Ингушской АССР народов — чеченцев, ингушей и русских, — отражающую их социально-экономическое развитие.

В центре нашего внимания — изменение социального состава населения республики в послевоенные годы, ибо именно изменения в послевоенные десятилетия самым непосредственным образом определяют межнациональные отношения на современном этапе. Однако для того, чтобы понять специфику современной социальной структуры, мы обращаемся к социальным изменениям за более длительный период в условиях Советской власти.

Социальная структура народов царской России характеризовалась, как известно, сильными диспропорциями, отражающими неравномерность их социально-экономического развития, национальное неравенство. Эти диспропорции совершенно очевидно были выражены как у крупных наций¹, так и у менее многочисленных народов, в том числе народов Северного Кавказа.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции были созданы все условия для достижения фактического экономического, политического и культурного равенства народов. Советское государство проводило курс на ускоренное развитие ранее отстававших народов нашей страны, что дало возможность устранить существовавшие различия в социальной структуре народов. В этом процессе принято различать несколько этапов. Одним из них является этап создания однотипной социальной структуры у всех советских народов, хронологически совпадающий в основном с периодом построения основ социалистического общества в нашей стране. Еще перепись населения 1926 года показала унаследованную от прошлого картину сильных диспропорций в социальной структуре народов. Это тем более касается Чечено-Ингушетии, где Советская власть окончательно победила лишь в 1920 году.

Как и во многих других национальных республиках, накануне социалистической реконструкции доля рабочих и служащих в составе населения республики в целом была значительно больше, чем у коренных народов.

Таблица 1

Распределение населения автономных областей,
в том числе коренных национальностей, по общественным группам
(в % к общему числу)

	Чеченская автоном. обл.		Ингушская автономн. обл.	
	всего	в том числе ингушей	всего	в том числе чеченцев
Рабочих	1,4	0,3	2,2	0,3
Служащих	1	0,4	0,9	0,5
Занятых в сельском хозяйстве	96,1	94,5	97,3	94,4

К сожалению, перепись населения 1926 года не дает сведений о социальном составе населения г. Грозного по национальностям. В общей же массе его населения, 70,2% которого составляли русские и всего лишь 2% — чеченцы и ингуши, на долю рабочих и служащих приходилось соответственно 16 и 9,2%³.

Вполне естественно, что различия в социально-классовом составе выделенных национальностей были связаны с уровнем образования, в том числе просто грамотности, представителей этих народов.

Таблица 2

Грамотность населения Чечено-Ингушетии в 1926 году
(в % к общему числу лиц данной национальности)⁴

Народы	г. Грозный		Чеченская авт. обл.		Инг. авт. обл.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Чеченцы	48,8	13,3	4,7	0,2	13,3	7,2
Ингуши	68,4	20	14,5	1,6	14,6	1,4
Русские	71,7	51,2	67,2	41,2	63,1	39,7

В связи с общими для всей страны процессами индустриализации и коллективизации ко второй половине 30-х годов в Чечено-Ингушской АССР сложилась однотипная с другими нациями и народностями СССР социально-классовая структура, представленная рабочими, колхозниками и социальной прослойкой интеллигенции. Однако различия в удельном весе основных общественных групп в социально-классовом составе национальностей рес-

публики были еще существенными (см. табл. 3). Большими были и диспропорции в удельном весе рабочих и служащих. Так, рабочих среди русского населения было более чем в десять раз больше, чем среди ингушей, и почти в пять раз больше, чем у чеченцев. Представленность же такой социальной группы, как служащие, среди русских была в три раза выше, чем среди коренных народов.

Такие заметные различия в пропорциях основных общественных групп национальностей республики сохранялись к концу реконструктивного периода, несмотря на то, что темпы роста удельного веса рабочих и служащих среди представителей коренных народов республики были намного выше, чем по республике в целом. Так, удельный вес рабочих возрос у чеченцев и ингушей соответственно в 8 и 16 раз, а доля лиц, занятых преимущественно умственным трудом, — в 7 и 16 раз, тогда как по республике в целом эти изменения произошли в первом случае — в 5 раз, а во втором — в 13,7 раза.

Несмотря на довольно высокие темпы роста в среде коренного населения республики практически новых общественных групп — национальных отрядов рабочего класса и интеллигенции, — формирование их задерживалось рядом факторов. К их числу нужно отнести сравнительно низкий исходный уровень профессиональной подготовки коренного населения республики, низкий уровень урбанизации, слабую миграцию рабочей силы из аулов в города и, следовательно, в промышленность. Так, например, накануне Великой Отечественной войны в городах и городских поселках проживало около $\frac{1}{10}$ чеченского, $\frac{1}{20}$ ингушского и более половины русского населения республики. В этот период (конец 30-х годов) имели место весьма существенные диспропорции и в удельном весе колхозников по рассматриваемым национальностям. Так, среди чеченцев и ингушей республики доля этой общественной группы населения была в шесть раз больше, чем среди русских. Столь выраженные диспропорции в удельном весе этой категории населения объясняются прежде всего различной степенью урбанизации этих народов, а также спецификой их занятости на селе.

В таких условиях большую роль в формировании кадров рабочего класса и служащих в республике, как, впрочем, и во многих других национальных республиках страны, продолжало играть русское население. Так, среди городского населения, в котором была представлена основная масса рабочих и служащих республики, русские составляли около 80%. Среди занятых преимущественно умственным трудом их было 73,7%, физическим (вне сельского хозяйства) — 70,8%⁵. Чечено-Ингушетия, как и другие относительно отсталые в прошлом окраины нашей страны, получала из центра не только промышленное оборудование, денежные средства, квалифицированную помощь в подготовке кадров на предприятиях и в учебных заведениях. Сюда из старых промыш-

ленно развитых районов СССР направлялись и квалифицированные кадры рабочих и интеллигенции.

Активная профессиональная роль русских определялась прежде всего высоким образованием русского населения, что естественно влияло и на социально-классовую структуру национальностей. Как показала перепись населения 1939 года, среди чеченского, ингушского и русского населения республики доля лиц, имеющих высшее и среднее, включая неполное, образование, была соответственно — 0,7, 1,8 и 13,8%. Поэтому на первом этапе социалистического строительства в республике в центре внимания стояли в основном задачи ликвидации неграмотности населения, особенно коренного. Фронт работы здесь был огромным, а результаты впечатляющими. Так, в период между Всесоюзными переписями 1926 и 1939 годов доля грамотного населения выросла у чеченцев более чем в 15 раз, у ингушей — почти в 5 раз, в то время как среди русского населения республики — в 1,2 раза. И все же даже при таких опережающих темпах роста удельного веса грамотного населения по коренным национальностям, доля грамотных среди них составила к концу 30-х годов не более $\frac{1}{3}$ населения.

Таким образом, общая по республике, да и по всей стране, тенденция заключалась в том, что темпы роста уровня грамотности населения по национальностям были обратно пропорциональными их исходному образовательному уровню.

После создания единой социальной структуры все большее значение стала приобретать задача профессионализации этносов, совершенствования их внутриклассовой структуры за счет повышения доли лиц, занятых квалифицированными видами труда. Это было сложная задача, и на ее выполнение требовалось несравненно больше времени и сил. Предстоял длительный период эволюционного развития, в основе которого лежали индустриализация, урбанизация и повышение культурного уровня населения. Индустриализация расширяла возможность для социального роста трудящихся, урбанизация подготавливала этот рост количественно, а повышение культурного уровня, и прежде всего образования, определяло качественные изменения в социально-классовой и социально-профессиональной структуре населения.

40—50-е годы были историческим периодом, когда у всех народов страны произошли изменения в сторону сближения социально-классового состава. Социальное развитие чеченцев и ингушей шло в общем русле, характерном для всех народов нашей страны и Северо-Кавказского региона в том числе. Об этом свидетельствуют данные о социально-классовом составе населения Чечено-Ингушской АССР и других автономных республик региона в конце 50-х годов.

Таблица 3

Изменение социально-классового состава населения
Чечено-Ингушской АССР в 40-е—50-е годы
(в % к общему числу населения)⁶

	Рабочие		Служащие		Колхозники	
	1939	1959	1939	1959	1939	1959
Чеч.-Инг. АССР*	—	50,1	—	20,1	—	19,7
в том числе:						
чеченцы	10,8	53,5	7,0	7,5	73,1	38,5
ингуши	4,9	74,5	7,8	13,1	69,1	10,8
русские	51,9	56,8	22,4	27,4	12,0	14,7
Даг. АССР	—	26,9	—	17,6	—	55,2
КБАССР	—	38,3	—	18,4	—	43,2
СОАССР	—	44,7	—	24,5	—	30,7

Конечно, данные, выраженные в процентах ко всему населению, в одном случае, и к занятому населению рассматриваемых национальностей — в другом, не дают точной и четкой сравнительной картины динамики социально-классовой структуры национальностей в этот период. Но общая тенденция этого процесса тем не менее очевидна и бесспорна.

Таблица 4

Изменение уровня образования населения
автономных республик Северного Кавказа в 40—50-е годы

	На 1000 человек населения приходится лиц с высшим и средн., включая неполное, образованием		Рост численности образованных людей за 1939—1959 годы
	1939	1959	
РСФСР	83	255	в 3,1 раза
Чечено-Ингушская АССР	51	216	в 4,2 раза
Дагестанская АССР	46	202	в 4,4 раза
Кабардино-Балкарская АССР	63	266	в 4,2 раза
Северо-Осетинская АССР	113	342	в 3 раза

* Данные по национальностям на 1959 год — в % к занятому населению.

Переписью населения 1959 года были зафиксированы не только общий рост доли рабочего класса и интеллигенции, но и существенное сближение пропорций основных общественных групп, а также уровня образования у чеченцев, ингушей и русских.

Всесоюзная перепись населения 1959 года показала, что коренные народы Чечено-Ингушской АССР по представленности в них рабочего класса за 40—50-е годы «догнали» русских.

По доле служащих к концу 50-х годов оставалась еще существенная разница. Правда, удельный вес этой общественной группы населения в составе каждой национальности увеличился, но разница по национальностям сохранилась.

За 40—50-е годы произошло дальнейшее повышение и сближение уровня образования национальностей республики. Но говорить о состоявшемся уже «выравнивании» национальностей по уровню образования в пределах республики в этот период еще не приходится.

Таблица 5

Изменение уровня образования по отдельным национальностям
Чечено-Ингушской АССР в 40—50-е годы⁸

	На 1000 человек в возрасте 10 лет и старше, имеют высшее и среднее, включая неполное, образование		Рост численности населения, имеющ. высш. и средн. образование, за 1939—1959 годы
	1939	1959	
чеченцы	7	67	в 9,6 раза
ингуши	18	105	в 5,8 раза
русские*	82	284	в 3,5 раза

Ускоренный рост уровня образования у ранее отсталых народов продолжался и в 60—70-е годы. Меняются темпы, но сохраняется тенденция, выражающая политику партии и правительства, направленную на обеспечение фактического равенства народов.

Рост уровня образования расширяет возможность перемещения населения из села в город, из сельского хозяйства в промышленность. С развитием экономики и культуры у всех национальностей увеличивается численность рабочих и служащих. Если в 1939 году рабочие составляли лишь треть всего населения страны, то в 1959 году — почти половину, в 1970 году значительно больше половины (57%)⁹, а в 1979 году — 60%¹⁰. Удельный вес служащих в общей массе населения страны составлял к концу 30-х годов — 18%, в 1959 году — 19, в 1970 г. — 22¹¹, к 1979 г. — 25%¹².

* Данные по РСФСР в целом.

Изменения в социальном составе населения в 40—50-е годы были характерны для всех республик и народов нашей страны. Специфика же в темпах этих изменений у тех или иных национальностей определялась прежде всего различиями в социальном составе этих народов на старте социалистического строительства. Например, у коренных народов Средней Азии, где доля рабочих и служащих сравнительно отставала от общесоюзной, число их росло особенно заметно. Так, с 1959 года по 1970 год доля рабочих (среди занятого населения) увеличилась по стране с 50 до 57%, у таджиков — с 18 до 37, у туркмен — с 27 до 32, киргизов — с 22 до 41, узбеков — с 27 до 39 и у казахов — с 44 до 65%¹³.

В 60—70-е годы в Чечено-Ингушской АССР продолжался процесс дальнейшего совершенствования социально-классовой структуры национальностей, дальнейшего социально-культурного сближения этносов. О характере и темпах изменения социальной структуры основных контактирующих в условиях республики национальностей говорят данные табл. 6.

Таблица 6

Изменение социально-классовой структуры основных национальностей
Чечено-Ингушской АССР с 1959 года по 1970 год
(в % к занятому населению)¹⁴

Национальность	Рабочие		Служащие		Колхозники	
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.
Все население республики*	61,2	66,3	19,0	20,1	19,7	14,8
чеченцы	53,5	67,4	7,5	11,7	38,5	20
ингуши	74,5	76,1	13,1	17,4	10,8	6,3
русские	56,8	56,5	27,4	34,5	14,7	7

По доле рабочих коренные национальности «выравнились» с русским населением республики еще в конце 50-х годов, что наблюдалось и у ряда крупных коренных национальностей союзных республик страны¹⁵. К началу же 70-х годов доля рабочего класса среди чеченцев и ингушей даже несколько превысила удельный вес этой социальной группы среди русского населения республики.

Разница же в представленности по выделенным национальностям категорий служащих, как свидетельствуют данные Всесоюзной переписи населения 1979 года, несколько сократилась, но пока еще сохранились заметные различия, несмотря на устойчи-

* В % к общему населению республики.

вые и довольно-таки высокие темпы роста удельного веса этой общественной группы среди чеченского и ингушского народов.

Что же касается доли колхозников по рассматриваемым нами национальностям, то здесь наблюдается последовательное уменьшение удельного веса этой категории населения. Этому способствует, прежде всего, процесс преобразования по республике колхозов в совхозы и урбанизация коренного населения республики, что надо учитывать и при анализе роста численности рабочего класса у чеченцев и ингушей, так как в селах и аулах наибольшая часть работающих составляют работники совхозов. На долю последних приходится и значительная часть рабочих коренных национальностей.

Выявленные основные тенденции в изменении социального состава рассматриваемых нами национальностей сохраняются и в последующие годы, о чем свидетельствуют данные Всесоюзной переписи 1979 г.

Таблица 7

Изменение социально-классового состава основных национальностей
Чечено-Ингушской АССР в 70-е годы
(в % к занятому населению)¹⁶

	Рабочие		Служащие		Колхозники	
	1970	1979	1970	1979	1970	1979
По Чечено-Ингушской АССР*	66,3	70,1	18,5	19,6	14,8	10,2
чеченцы	67,4	74,9	11,7	12,3	20	12,7
ингуши	76,1	75,4	17,4	19,5	6,5	5,0
русские	56,5	57,2	34,5	38,2	7	4,6

За 60—70-е годы произошло существенное выравнивание и уровня образования основных национальностей Чечено-Ингушской АССР. В результате интенсивного экономического и культурного строительства в республике темпы роста численности образованных людей среди коренных национальностей республики были значительно выше, чем среди русского населения. Так, например, в Чечено-Ингушской АССР число лиц с высшим и средним образованием в период с 1959 года по 1970 год среди русского населения республики увеличилось в 2,3 раза, тогда как среди чеченцев — в 7,3 раза, среди ингушей — в 4,9 раза. Необходи-

* в % ко всему населению.

димо отметить, что Чечено-Ингушетия в этом плане не является исключением. Подобная же картина наблюдается, например, в районах Средней Азии и Казахстана, Молдавии и Татарии¹⁷ — словом, в тех районах, которые в прошлом являлись окраинами царской России и одним из характерных признаков которых являлся низкий уровень образования коренных национальностей.

Таблица 8

Изменение уровня образования по отдельным национальностям
Чечено-Ингушской АССР* 18

Национальность	На 1000 человек в возрасте 10 лет и старше имеют высшее и среднее, включая неполное, образование		Рост численности населения, имеющего высшее и среднее образование, за 1970—1979 годы
	1970 г.	1979 г.	
РСФСР	656	803	—
Все население республики	361	542	в 1,5 раза
чеченцы	220	491	в 2,2 раза
ингуши	256	516	в 2,0 раза
русские**	508	661	в 1,3 раза

Как показывают данные табл. 9, заметная разница в уровне образования по выделенным национальностям, которая сохранялась даже в начале 70-х годов, была в основном ликвидирована к концу 70-х годов.

Если же говорить о динамике численности лиц, имеющих высшее образование по рассматриваемым нами национальностям Чечено-Ингушской АССР, то здесь пока еще имеются весьма существенные различия при заметно опережающих темпах прироста удельного веса этой группы населения среди коренных национальностей республики.

Тенденция на сближение национальностей республики и по этому показателю, по данным табл. 9, прослеживается с достаточной степенью очевидности.

* Данные переписи 1959 г. см. в табл. 6.

** Данные по РСФСР.

Таблица 9

Изменение доли лиц, имеющих высшее образование, по основным национальностям Чечено-Ингушской АССР (с 1959 г. по 1979 г.)¹⁹

Национальность	На 100 человек в возрасте 10 лет и старше приходится лиц, имеющих высшее образование		
	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Все население республики	21	30	45
чеченцы	1	7	18
ингуши	5	14	29
русские	29	43	71

Анализ приведенных нами материалов показывает картину очевидного «выравнивания» социального состава национальностей республики. Этот процесс прошел несколько этапов.

На первом этапе, который в основном завершился ко второй половине 30-х годов, в республике, как и по всей стране в целом, сложилась однотипная социальная структура. На втором этапе шло дальнейшее развитие и совершенствование социально-классовой структуры национальностей.

Нами выявлены некоторые особенности в темпах развития социальной структуры выделенных национальностей. Но эти нюансы не могли изменить общей тенденции развития, приводившей к последовательному сближению социальной структуры чеченцев, ингушей и русских, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР. За рассматриваемый нами период социальная структура основных контактирующих в условиях республики национальностей существенно выровнялась. Произошло это исторически недавно. Существенные диспропорции в удельном весе рабочего класса по выделенным национальностям были ликвидированы уже к концу 50-х годов. В 60-е и 70-е годы наблюдается даже заметное преобладание этой социальной группы населения среди коренных национальностей республики по сравнению с русским населением, проживающим в республике. Но, говоря о росте удельного веса рабочего класса по национальностям республики, необходимо учитывать, что в общей массе рабочих коренных национальностей значительная часть представлена сельскохозяйственными рабочими. И до сих пор заметны диспропорции по представленности отряда индустриальных рабочих по рассматриваемым нами национальностям.

В 70-е годы происходит сближение национальностей республики по доле интеллигенции и служащих, о чем свидетельствуют высокие темпы роста численности лиц с высшим и средним образованием. Сближение по этому показателю не означает достижения полной социальной однородности: процесс сближения социальной структуры наций не следует понимать как создание тождественной социально-профессиональной структуры по всем национальностям. Это уже неоднократно отмечалось в литературе²⁰.

Разнообразие социальной структуры советских наций и народностей обуславливается как природными условиями, так и разделением труда, соответствующим эффективному использованию природных и трудовых ресурсов, а также сложившимися национальными традициями.

Усиление социальной однородности наций происходит по двум основным направлениям. Одно из них — сближение пропорций основных общественных групп по национальностям. Оно неограничено и осуществляется в соответствии с народнохозяйственной специализацией республик в целях эффективного развития общесоюзного производства. Этот путь сближения социальной структуры национальностей был характерен в основном для первого этапа этого процесса. Другое направление достижения социальной однородности — стирание существенных межклассовых различий, сближение умственного и физического труда, условий жизни в городе и деревне. При этом, однако, не утрачивается ведущая роль рабочего класса.

Своеобразие социальной структуры коренных национальностей республики в значительной степени связано с преобладанием среди них сельских жителей. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, на селе проживало 77,5% чеченского, 64,5 ингушского и 23,3% русского населения республики²¹. Именно поэтому социальная однородность населения республики, как и по всей стране в целом, в дальнейшем будет достигаться прежде всего за счет дальнейшего стирания существенных различий между городом и деревней, людьми физического и умственного труда, дальнейшей урбанизации, углубления процессов научно-технической революции, интеллектуализации общества. Эти процессы имеют принципиальное значение для дальнейшего совершенствования советского образа жизни, выражающегося, в частности, в увеличивающемся сходстве в жизненном укладе различных социальных групп, всех наций и народностей нашей страны.

В разделе Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии, посвященном совершенствованию социально-классовых и национальных отношений, подчеркивалось: «Авангардное место в советском обществе принадлежит рабочему классу. Благодаря своему положению в системе социалистического производства, политическому опыту, высокой сознательности и организованности

рабочий класс сплачивает наше общество, играет ведущую роль в совершенствовании социализма, коммунистическом обществе»²¹.

В Чечено-Ингушской АССР разработана и ныне претворяется в жизнь комплексная программа вовлечения трудоспособного населения в общественное производство с акцентом на привлечение к работе в отраслях, определяющих научно-технический прогресс, значительной части незанятых трудовых ресурсов. Решение этих задач послужит важным фактором ускорения социально-экономического развития республики, увеличения ее вклада в единый народнохозяйственный комплекс страны, достижения реальных результатов в дальнейшем перспективном изменении социально-классового состава многонационального населения нашей республики.

1. Современные этнические процессы в СССР. — М.: Наука, 1977.
2. Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Т. XXII. — Отд. II. — М., 1926. — С. 60—63.
3. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Т. XXXIX. — Отд. III. — М., 1930. — С. 106.
4. Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Т. V. — Отд. I. — М., 1929. — С. 104.
5. Подсчитано по: Современные этнические процессы в СССР. — С. 137; Арутюнян Ю. В. Изменение социальной структуры советских наций // История СССР. — 1972. — № 4.
6. Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. — М., 1963. — С. 416—417, 152, 154; Правда. — 1940. — 29 апр.; Плановое хозяйство. — 1939. — № 6; Современные этнические процессы в СССР. — С. 132.
7. Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. — РСФСР. — С. 112—113, 137, 246—249.
8. Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. — РСФСР. — С. 112—113.
9. Современные этнические процессы в СССР. — С. 130.
10. Подсчитано по: Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. — М., 1984. — С. 27.
11. Современные этнические процессы в СССР. — С. 130.
12. Подсчитано по: Численность и состав населения СССР. — С. 27.
13. Современные этнические процессы в СССР. — С. 130.
14. Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. — С. 154; Всесоюзная перепись населения 1970 года. — М., 1973. — С. 18—19; 60 лет ЧИАССР: Статистический сборник. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. — С. 16.
15. Современные этнические процессы в СССР. — С. 130.
16. Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — С. 18—19; Численность и состав населения СССР. — С. 158; 60 лет ЧИАССР. — С. 16.
17. См.: Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований. — М., 1973; Современные этнические процессы в СССР. — С. 130; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. — М., 1980; Дробяжева Л. М. Духовная общность народов СССР. — М., 1981; Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. — М., 1984.

18. Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — Т. III. — М., 1972. — С. 174—177; Численность и состав населения СССР. — С. 158.

19. Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1959 года. — С. 416—417; Итоги Всесоюзной переписи населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. — С. 158; 60 лет ЧИАССР.

20. См.: Социальное и национальное; Арутюнян Ю. В. Изменение социальной структуры советских наций // История СССР. — 1972. — № 4. — С. 3—20; Современные этнические процессы в СССР; Опыт этносоциологического исследования образа жизни; Дробничева Л. М. Указ. соч.

21. Подсчитано по: 60 лет ЧИАССР. — С. 16.

22. Материалы XXVII съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1986. — С. 50.

З. А. МАДЛЕВА

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

(на примере совхоза «Шалинский»)*

Чечено-Ингушетия, расположенная в пределах обширной Северо-Кавказской этноконтактной зоны, представляет значительный интерес для изучения закономерностей и тенденций развития этнических традиций, процессов культурного взаимодействия между разными этносами. На ее территории издавна совместно с коренными национальностями — чеченцами и ингушами — проживали представители других этносов, в частности, русские, украинцы, народы Дагестана, осетины, армяне и мн. др.

Давние дружественные контакты между этими народами получили всемерное и полнокровное развитие с установлением Советской власти, особенно в период становления развитого социализма, когда сформировалась новая социальная и интернациональная общность — советский народ.

Под «этносоциальными процессами» в этнографической науке понимаются национальные процессы, включающие в себя изменения, касающиеся и социально-экономических, и этнокультурных компонентов наций и национальных групп. Эти процессы включают не только изменения в сфере этнической среды, но и разнообразные преобразования в социально-экономической и политико-идеологической сферах жизни людей, входящих в те или иные этносы, например, коллективизация сельского хозяйства, создание национальных промышленных кадров¹.

* В основу статьи легли положения, изложенные автором на Всесоюзной этнографической конференции «Современные этносоциальные процессы на селе и задачи их изучения в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС» (май 1983 г., г. Казань).

В настоящей статье поставлена задача сосредоточить внимание на отдельных аспектах этой большой проблемы, в частности, на изменениях, происходящих в определенном хозяйственном коллективе, занятом решением важной партийно-правительственной задачи — Продовольственной программы СССР, о значении которой вновь заявил XXVII съезд КПСС.

Труженники сельского хозяйства республики постоянно трудятся над решением продовольственной проблемы, своевременным и качественным проведением всех сельскохозяйственных работ. Некоторые положительные итоги достигнуты в развитии животноводства, увеличении производства мяса и молока, повышении продуктивности скота. Ежегодно повышается процент производства в колхозах и совхозах продуктов животноводства: если в 1982 году производство мяса к 1981 году составило 86%², то по итогам 1985 года к 1984 году — 104%; валовой надой молока соответственно — 98 и 99%; выполнен план закупок продуктов животноводства: скота и птицы — 82 и 100%; молока — 100 и 103%, яиц — 100 и 101%; объем заготовок животноводческой продукции: скот и птица — 84 и 104%; молока — 101 и 103%; яиц — 103 и 104%.

Так же показательны и цифры по производству зерна, сахарной свеклы и других продуктов сельского хозяйства³.

Значительную лепту в выполнение постоянно усложняющихся задач агропромышленного комплекса вносит откормочный совхоз «Шалинский», не случайно взятый в качестве объекта исследования. Полуторатысячный коллектив совхоза (680 человек постоянно работающих и более 800 сезонных рабочих) интересен во многих отношениях. Именно в таких, неоднородных в национальном и социальном отношении, коллективах наблюдаются интенсивные социальные, культурные и этнические процессы. Подобные коллективы в конечном итоге способствуют сближению культурного уровня городского и сельского населения, социалистических наций, расцвету и взаимообогащению национальных культур и формированию культуры единого советского народа.

Коротко об истории совхоза. Откормочный совхоз «Шалинский», производящий в основном продукты питания — мясо, молоко, зерно, создан в 1957 году. Со времени формирования совхоза на протяжении многих лет был убыточным. Только в 1972 году убытки составили 1,5 млн. рублей. За годы же десятой пятилетки было уже получено два миллиона 515 тыс. рублей прибыли, на 1,7 млн. рублей больше плана.

В первом году одиннадцатой пятилетки совхоз произвел и продал государству 1200 тонн мяса при плане 1180 тонн. Хлебоуборки произвели 7 тысяч тонн зерна при плане 5770 тонн. Урожайность составила почти 30 ц с га при плане 24,5 ц. Особых успехов достигли свекловоды: при плане 14 тысяч тонн собрали 19 тысяч

тонн свеклы. В дальнейшем были достигнуты еще более значительные успехи, особенно в производстве сахарной свеклы. По итогам одиннадцатой пятилетки при плане 76,3 тонны сдано государству 109 тонн сахарной свеклы, т. е. в счет двенадцатой пятилетки сдано 33 тысячи тонн⁴. Такие успехи несравненно повысили уровень материального благосостояния свекловодов, их среднемесячный заработок составляет 700 рублей.

План одиннадцатой пятилетки выполнен в совхозе и по производству продуктов животноводства: мяса, молока. Среднемесячный заработок скотников составляет 250—300 рублей, доярок — 150, а работников свиноводческой фермы — 300—400 рублей.

Успехи коллектива совхоза неоднократно отмечались наградами: по итогам 1981 и 1984 годов совхоз был награжден переходящим Красным знаменем Министерства сельского хозяйства СССР и ЦК профсоюза работников сельского хозяйства. В совхозе 213 человек носят высокое звание «Ударник коммунистического труда», 177 рабочих выполнили за три года личные планы и социалистические обязательства, по итогам 1985 года — 56 рабочих присвоено звание «Победитель социалистического соревнования», многие рабочие удостоены высоких наград Родины⁵.

Трудовой коллектив совхоза «Шалинский», таким образом, проникшись сознанием высокого долга, вносит определенный вклад в реализацию Продовольственной программы, используя для выполнения принятых планов трудовые, материальные и финансовые ресурсы. Завершена работа по реконструкции крупного механизированного животноводческого комплекса. Здесь сосредоточены основные силы совхоза и созданы все необходимые условия для работы — открыт медпункт, организована сеть общественного питания, обеспечено культурное обслуживание рабочих, работают клуб и библиотека.

Из 680 постоянных рабочих — 650 чеченцев. Рядом с ними трудятся и представители многих других этносов — русские, украинцы, белорусы, татары, болгары, ингуши, осетины, кабардинцы, карачаевцы и др.

В совхозе около 92% рабочих и более 8% — служащих. Из руководящих работников высшего и среднего звена 30 человек имеют высшее и незаконченное высшее образование, что составляет 4,5% от общего числа работающих. Более 3% работающих имеют среднеспециальное образование, 22% — среднее. Неполное среднее и незаконченное среднее образование имеют соответственно 23 и 19%; 18% работающих имеют начальное образование и около 10% составляют неграмотные — это преимущественно представители старшего поколения от 55 лет и старше⁶.

Анализ возрастного уровня показал, что значительный процент работающих составляют молодые люди в возрасте до 30 лет: 19 человек имеют возраст до 20 лет, 73 — до 25, а 122 — до 30 лет.

Далее возрастной уровень распределяется следующим образом: 30—34 года — 96 человек, 35—39 лет — 60 человек, 40—44 года — 38, 45—49 лет — 87, 50—54 — 88. 97 человек — старше 55 лет⁷.

Рабочие и служащие совхоза живут в основном в сельской местности (58%), 42% работающих в совхозе — горожане, живущие в молодом городе Аргуне, поэтому быт последних малочем отличается от сельского. Базовыми для совхоза являются предгорные села: Герменчук — 23% плюс все сезонные рабочие, Белгатой — 12%, Мескер-Юрт — 14%. Около 3% работающих проживают в селении Шали, 1% — в г. Грозном, 5% рабочих составляют недавние выходцы из горных сел Шаро-Аргун, Дай, Нохч-Келой, Ведено, Даттых, поселившиеся на равнине для постоянного жительства.

В совхозном поселке для таких переселенцев построено три восьмиквартирных и двадцать двухквартирных домов. Здесь же и в базовых селах построены амбулатория, столовые, дом быта. Поселок газифицирован, стационарный газ проводится в села Белгатой и Герменчук. В совхозном поселке оборудован «Дом животновода». Все эти меры свидетельствуют о большом внимании со стороны совхозного руководства к культуре быта и поселка. С повышением экономики совхоза улучшается материальное благосостояние рабочих, заметно изменяется облик села.

В последние годы почти все рабочие совхоза, живущие в селах, оказались в состоянии улучшить свои жилищно-бытовые условия — отстроены большие дома из жженого и сырцового кирпича, огороженные кирпичными или металлическими оградами, с резными, ornamentированными или узорчатыми воротами. Жилища имеют вид усадьбы, в которой наряду с жилым домом имеются времянки, хлев, курятник и другие хозяйственные помещения. Дома обставлены добротной отечественной или импортной мебелью. Широко распространена бытовая техника. Трудно встретить дом, в котором не было бы холодильника, стиральной машины, телевизора, транзисторных приемников или магнитофонов. Многие рабочие имеют личные автомашины или мотоциклы.

Отстроенные дома имеют традиционную рядную или современную квадратную планировку. В строительстве сочетаются различные варианты жилья, в том числе и характерные для других народов страны. Наблюдается стремление сохранить такие традиционные элементы, как наличие большого двора с одним или двумя навесами, отдельной кухни-столовой и обязательное наличие гостиной комнаты, которая размещается в большом парадном доме. Гостиную обычно заставляют наиболее изысканными и дорогими предметами мебели, посуды, постельными принадлежностями.

Традиционный интерьер почти не сохранился. О нем напоми-

нают лишь частично используемые орнаментированные войлочные ковры, предметы домашней утвари (глиняная посуда, изготовленная в современных условиях по традиционным образцам, деревянные подносы для национальных блюд и замешивания теста, деревянные совки для разделки теста, кумганы больших и малых размеров, ручные станки для расчесывания шерсти и пуха, веретена и т. д.), отдельные декоративные изделия (книжалы и сабли-сувениры, традиционные мужские пояса, плетки и др. предметы конской сбруи) можно видеть развешанными на войлочных или фабричных коврах.

Одежда сельского жителя сегодня мало чем отличается от городской, особенно среди молодежи. В одежде представителей старшего поколения наблюдается использование некоторых традиционных черт. Так, повседневным головным убором является папах из каракуля (кстати, некоторые молодые люди также надевают папаху в праздничные дни), повседневная одежда — рубашка типа гимнастерки, брюки-галифе, заправленные в мягкие кожаные сапоги или шерстяные носки. Однако эти и другие элементы не составляют «чистого» типа одежды, они сочетаются с элементами городской: шляпами, кожаными или кирзовыми сапогами, брюками на выпуск и т. д. Гораздо в большей степени сохранились традиционные элементы в женской одежде. Пожилые женщины носят целые платья прямого покроя на кокетке с длинными до кисти или локтя рукавами. Обязательным элементом у них являются платки, повязанные под подбородком или на затылке, зимой носят пуховые платки.

Мало чем отличается от городской и сельская кухня. Повсеместное распространение имеют супы, борщи, салаты, вторые блюда. Популярны в прошлом традиционные пироги (чечалгаши, хингалш), мясо с галушками (жигиг-галнаш) сегодня все более становятся праздничной едой, что объясняется трудоемкостью их приготовления и занятостью женщин на производстве.

Значительное внимание уделяет совхоз культурному развитию базовых сел и совхозного поселка: сюда систематически приглашаются лекторы по линии республиканского и районного отделений общества «Знание», профессиональные коллективы — Чечено-Ингушский ансамбль танца «Вайнах», фольклорные ансамбли филармонии: «Седа», «Шовда», «Зама» и др. Передовиков производства совхоз премирует туристическими путевками в различные города нашей страны — Брест, Ленинград, Баку, Ригу и др., а также бесплатными путевками в ГДР, Болгарию, Венгрию и др. социалистические страны.

В совхозе для работников устраиваются различные праздники, отмечающие знаменательные события в общественной и семейной жизни: «День урожая», чествование передовиков производства или династий рабочих, проводы в ряды Вооруженных Сил СССР.

Создано «Общество венгеро-советской дружбы», по инициативе которого организуются вечера, посвященные знаменательным датам ВНР, в честь работников Татаевского сельхозкооператива Комаромской области ВНР. 3 апреля 1985 года, например, был проведен торжественный вечер, посвященный 40-летию освобождения Венгрии от фашизма. В марте 1985 г. в фойе конторы совхоза «Шалинский» состоялась встреча ветеранов войны с тружениками совхоза⁸.

Вышесказанное ярко свидетельствует о значительном социально-культурном развитии работников совхоза. В результате интенсивного развития социалистического сельского хозяйства за последние годы значительно повысился экономический уровень хозяйства совхоза, что, в конечном итоге, способствовало повышению материального благосостояния и жизненного уровня сельских тружеников, развитию культуры и быта села, повышению культурно-технического уровня сельского населения, благоустройству сельских населенных пунктов.

В результате роста потребления материальных и культурных благ на селе, совершенствования проведения досуга и культурного времяпрепровождения изменяется культурный облик села. А это неизбежно сказывается на жизненных идеалах, представлениях о нормах поведения. Постоянно растет удовлетворенность сельских жителей всеми сторонами жизни и работы, что усиливает ориентацию на сельский образ жизни, на сельскохозяйственный труд.

Выше нами было отмечено, что совхоз проводит значительную работу по максимальному производству и продаже государству продуктов питания и, в частности, мяса. На крупном животноводческом комплексе содержится более четырех тысяч голов крупного рогатого скота. Такое же количество голов свиней откармливается на свиноводческой ферме, которая и привлекла наше особое внимание. Интерес к свиноводческой форме вызван не только и не столько тем, что продажа государству мяса приносит немалый доход, но и тем, что эта нетрадиционная для вайнахской части населения современной Чечено-Ингушетии форма хозяйства вполне оправдала себя и заняла в совхозе одно из ведущих мест. Примечательным, на наш взгляд, выглядит тот факт, что 50% работающих на ферме составляют чеченцы — представители коренной национальности.

Хорошо известно, что вайнахи, наряду с многими народами нашей многонациональной страны, исповедовали мусульманскую религию, одним из основных запретов которой являлось прикосновение к свинье и употребление свиного мяса в пищу. Ревнителю ислама в своих учениях всячески проповедовали этот запрет и учили, что прикосновение к «нечистому» животному оскверняет верующих. Они внушали, что коснувшуюся свиньи руку можно

было очистить только в том случае, если протереть ее землей, взятой из девяти различных мест.

Этот запрет в виде пережитка дожил и до наших дней.

Нельзя не отметить, что отношение к этому животному у вайнахов не всегда было отрицательным. Об этом свидетельствуют информаторы, указывая на особое почитание ими до принятия ислама домашней и дикой свиньи⁹. Доказательством этому служат также археологические материалы: костные остатки, обнаруженные на Гатын-калинском, Сержен-юртовском, Бамутском, Лехкортовском и других поселениях. Они доказывают, что начиная с медно-бронзового века и вплоть до позднего средневековья (XIII—XVII вв.) свинина составляла основную часть мясного рациона вайнахов и их предков¹⁰. Многие другие свидетельства указывают на уважительное отношение к животному, которое постепенно изменилось с укреплением в крае ислама, когда свиноводство прекратило свое существование как традиционная форма хозяйства.

При таком положении, естественно, вызывает интерес тот факт, что сегодня чеченцы, в сознании большинства из которых прочно сидит негативное отношение к этим животным, работают на свиноводческой ферме. Первоначально на ферме совхоза «Шалинский» работали только русские. А в 1964 году по призыву комсомольской организации пришла сюда молодая чеченка — Гайсумова Зара, которая стала ухаживать за животными с таким же старанием и любовью, как и ее русские подруги. Родственники встретили решение комсомолки враждебно. Однако это не поколебало горянку, которая с большим рвением окупалась в работу, доказывая, что всякий труд важен и почетен. Не ушла с фермы Зара и после замужества, хотя родственники мужа также не были в восторге от того, что их невестка работает на свиноводческой ферме.

Пример комсомолки оказался притягательным, за ней потянулись и другие горянки. В настоящее время представители чеченской национальности работают не только на откорме, но и маточницами и ночными свиноводцами, т. е. на наиболее ответственных участках работы свиноводческой фермы.

Ферма многие годы была убыточной. Затем руководителем фермы был назначен коммунист Берсанов Абдурахман, чеченец. Он сумел вывести хозяйство в передовые, используя имеющиеся резервы, набирая новых рабочих. Являясь лектором, пропагандистом, А. Берсанов стремился воспитывать чувство ответственности в работе, умело пропагандировал опыт передовых свиноводов-чеченцев, приводил интересные факты о животных. В результате такой работы на ферме среди рабочих совхоза коренной национальности было заметно поколеблено брезгливое отношение к свиньям, а сами «грязные существа» выглядят здесь ухоженными.

Какова же мотивация работающих на свиноводческой ферме чеченцев? Она обусловлена двумя факторами, прежде всего, моральным: всякий труд важен и почетен. Немаловажное значение на сегодняшний день имеет и материальный фактор — здесь хорошо платят. За годы одиннадцатой пятилетки свиноводческая ферма переведена на коллективный подряд, что еще более повысило материальную заинтересованность рабочих.

Нужно отметить, что это не единственный случай, когда чеченцы трудятся на таком участке. Например, все строительные работы на свиноводческой ферме проводят чеченцы. По Чечено-Ингушетии много свиноводческих ферм как в районах со смешанным населением, так и в районах с преобладающим коренным населением. По дватри хозяйства в Надтеречном, Малгобекском, Наурском, Шелковском и Гудермесском районах, по одному в Урус-Мартановском, Ачхой-Мартановском и Грозненском сельском районах. И во всех названных хозяйствах вместе трудятся чеченцы, ингуши, русские и представители других национальностей, проживающих в республике¹¹.

Вполне очевидно, что даже на примере такого локального, маленького в количественном отношении коллектива свиноводческой фермы можно проследить ряд этнических процессов, происходящих в нем и характерных для совхоза в целом. Это — наличие двуязычия, межнациональных контактов и межнациональных браков и т. д. Например, у Гайсумовой Зары двое сыновей — один из них женат на чеченке, другой — на русской, Савицкой Рансе. Ранса прекрасно говорит по-чеченски, родственники мужа не чают в ней души. Родители же Рансы всю жизнь прожили среди чеченцев.

Работает на ферме молодой ветеринар — Щербина Светлана Ивановна, отец у нее чеченец, мать — русская, себя Света считает чеченкой. Она свободно говорит на обоих языках, и трудно определить, какой из языков для нее родной. Дочь другой свиноводки, Джамалхановой Гунары из с. Беной Ножай-Юртовского района, Хадидат работает здесь же, замужем она за аварцем. Ночными свиноводцами работают Титаев Муса, коренной житель г. Аргуна, и Сусаев Абдуллетип из с. Даттых Ножай-Юртовского района.

Другой психологический фактор — внутренняя готовность людей к межнациональным контактам здесь также очевидна. Членам коллектива фермы, так же как и всего совхоза, не мешает принадлежность к разным этническим общностям и различное вероисповедание.

Таким образом, анализ некоторых сторон работы и жизни неоднородного в социальном и национальном отношении коллектива совхоза «Шалинский» позволил проследить отдельные аспекты происходящих в нем социальных и культурно-бытовых изме-

нений, выявить этнические особенности, характерные для этноса в целом. Опыт этого хозяйства внимательно учитывается в республике, что нашло отражение, в частности, и в материалах II пленума Чечено-Ингушского обкома КПСС (апрель 1986 г.)¹².

1. Современные этнические процессы в СССР. — М.: Наука, 1977. — С. 18.
2. Грозненский рабочий. — 1983. — 23 янв.
3. Грозненский рабочий. — 1986. — 19 янв.
4. Коммунизм байракх: Орган Шалинского райкома КПСС. — 1985. — 10 дек.
5. Мы искренне признательны секретарю парткома совхоза «Шалинский» А. А. Читаеву за любезно предоставленные нам материалы об истории совхоза.
6. Подсчитано по списочным данным отдела кадров совхоза.
7. Подсчитано по списочным данным отдела кадров совхоза.
8. Коммунизм байракх. — 1985. — 23 марта.
9. Архив ЧИНИСФ. Полевые материалы автора за 1981—1984 гг.
10. Виноградов В. Б., Межидов Д. Д., Успаев Г. Н. Религиозные верования вапнахов в дореволюционном прошлом. — Грозный, 1982. — С. 29.
11. См.: Вологдин Ю. Ферму возглавил энтузиаст// Грозненский рабочий. — 1972. — 11 февр.; Мурадов М. Ядро коллектива: на ферме по откорму свиней совхоза «Красноармейский» Урус-Мартановского района// Грозненский рабочий. — 1982. — 26 нояб.; Джантемиров Н. Ступени роста: Подсобное хозяйство Аргунского горло по выращиванию свиней// Грозненский рабочий. — 1984. — 24 янв.
12. Грозненский рабочий. — 1986. — 15 апр.

З. И. ХАСБУЛОВА

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ (50—80-е гг.)

Среди главных социально-культурных задач, поставленных XXVII съездом на XII пятилетку и период до 2000 г., существенное место занимает семья. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечалось, что наши достижения в становлении новой социалистической семьи огромны¹. Вступление СССР,

в том числе и Чечено-Ингушетии, в период зрелого социализма, создало благоприятные условия для еще более интенсивного решения задач, непосредственно связанных с повышением благосостояния советского народа и совершенствования его образа жизни. В творческой разработке концепции развитого социализма, проблем социалистического образа жизни большое значение имеют программные документы Пленумов ЦК КПСС и материалы XXVII съезда. В них дан реалистический анализ современного этапа развития советского общества. Развивая идеи В. И. Ленина о диалектике интернационального и национального в современных условиях, М. С. Горбачев говорил, что «мы гордимся достижениями советской многонациональной социалистической культуры. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она становится уникальным явлением в мировой культуре. Пока существуют нации, будут появляться и новые вопросы совместной жизни и труда в рамках единого многонационального государства. Первостепенное значение на нынешнем этапе его развития имеют такие проблемы, как углубление взаимодействия и взаимообогащения культур, усиление национального общения, воспитание трудящихся всех национальностей в духе нерушимых принципов пролетарского интернационализма и советского патриотизма...»².

При написании статьи нами преследовались следующие цели и задачи: показать некоторые изменения в культуре и быту, а также в социальной структуре сельского населения Чечено-Ингушетии и влияние этих изменений на структуру, детность, внутрисемейные отношения, функции, образ жизни и др. явления сельской семьи. Основными источниками послужили полевые, статистические, литературные материалы.

Преобразование семейно-брачных отношений в Чечено-Ингушетии связано, главным образом, с основными мероприятиями партии и правительства по ликвидации фактического неравенства во всех областях жизни населения. Быстрыми темпами создавалась промышленность, росли ряды рабочего класса, велась борьба против пережитков прошлого в быту, экономике, хозяйственной, семейной и общественной жизни населения республики. Совершался процесс ликвидации устаревших и становление новых форм семьи и семейно-брачных отношений. На изменения устоявшихся негативных семейных традиций сильное влияние оказали коллективизация и индустриализация сельского хозяйства, внедрение в быт норм социалистического общежития, а в настоящее время — профессионализация и повышение образовательного уровня населения.

Основными функциями семьи являются: воспроизводство (деторождение, содержание детей) для поддержания биологической непрерывности общества; передача детям культурного наследства,

выработка целостных ориентаций, воспитание в ребенке нравственных качеств, эстетического восприятия, гражданского самосознания, помощь детям в достижении определенного положения (участие в социализации домашнего хозяйства, удовлетворение интимной и эмоциональной потребности, взаимная поддержка в достижении поставленной цели)³; семья в современных условиях индустриализации и урбанизации, возрастающего темпа жизни выполняет и функцию психологического убежища⁴, а также функцию организатора досуга.

Современная семья чеченцев и ингушей по своему типу малая индивидуальная, включающая одно или два поколения (родители и дети). Имеют место и трехпоколенные семьи, где совместно с родителями проживает сын с женой и детьми. Так, в обследованном селении Старая Сунжа всего 1288 семей, из них двухпоколенных более 50%, трехпоколенных — около 30%. 4% составляют неразделенные семьи, где совместно проживают не только родители с женатыми и неженатыми детьми, внуками, но и другие родственники — дяди, тетки, племянники и племянницы, разведенные родственники с детьми и без детей. Незначительный процент составляют четырехпоколенные семьи, а также семьи пожилых супругов, дети которых, образовав свои семьи, проживают отдельным хозяйством в городе или здесь же в селении⁵.

Такая же картина типична и для других обследованных нами селений. Так, в с. Кошкельды из 824 семей 50% — малые семьи и лишь в 4-х семьях совместно с родителями проживают два женатых сына со своими женами и детьми. В с. Толстой-Юрт 869 семей, из них в 20 семьях совместно с родителями проживают женатые сыновья⁶.

Эти семьи можно рассматривать как остаточные явления реликтовых неразделенных семей⁷, однако в них можно видеть и новообразующуюся позднюю неразделенную семью. В основе образования сложных, бытующих до настоящего времени, семей лежат объективные причины, не утратившие своего действия и сегодня. Общеизвестно, что в большинстве случаев младшие сыновья, вступающие в брак значительно позже, и после женитьбы остаются с родителями. А старшие сыновья часто отделяются от родителей только после рождения ребенка или женитьбы следующего сына. И все же традиционное для чеченцев и ингушей выделение женатых сыновей стало нормой быта. Традиционность этого явления подчеркивается народными изречениями о женатых сыновьях: «Дика лулахо хир волуш ву» (досл.: он станет хорошим соседом) или «во лулахо хир волуш ву» (досл.: он станет плохим соседом). Тенденция выделения женатых сыновей характерна не только для чеченцев и ингушей, но и других народов Северного Кавказа.

Новым, нетрадиционным явлением в семейной организации чеченцев и ингушей является проживание родителей совместно с замужней дочерью. Так, например, в с. Толстой-Юрт, согласно похозяйственным книгам, таких семей пять. Одна из них семья Махмуда Б., где совместно проживают три супружеские пары: родители, два женатых сына со своими детьми, неженатый взрослый сын. Здесь же проживает мать одной из снов. Всего в семье 13 человек. В с. Старая Сунжа таких семей семь. Следует однако отметить, что тесть или теща преклонного возраста проживают у зятя только в том случае, если за ними некому ухаживать.

Другим нетрадиционным явлением в чеченских и ингушских семейных отношениях является проживание зятя в доме родителей жены. Такие семьи встречаются во всех рассматриваемых селениях⁸.

Семей, состоящих из одиноких стариков, оставшихся без присмотра, в обследованных нами селениях нет. Это, видимо, объясняется силой родственных отношений, сохранением традиционного почитания старших и особенно родителей. Большую роль играет общественное мнение, осуждающее детей, оставивших своих старых родителей одинокими. Если у стариков нет детей, их забирают в свои семьи другие ближайшие родственники.

По численности современные семьи чеченцев и ингушей неодинаковы. Статистические материалы и полевые наблюдения показывают, что наиболее значительный процент имеют семьи в два человека, затем у чеченцев — 4, а у ингушей — 6 человек (см. табл. 1). По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года в целом по стране 66,3 млн. семей, из которых 29,7% состоят из 2-х человек, 28,9 — 3-х, 23% — 4-х человек, а 18,4% — 5-ти человек. Если взять Чечено-Ингушетию по той же переписи, то всего семей 247 278, из них семьи в 2 человека составляют 23,8%, в 3 — 21%, в 4 — 18,7% и 5 и более человек — 36,5%⁹. Сравнение цифровых данных по Союзу в целом и республике указывает на многодетность семей в Чечено-Ингушетии. На численный состав современной сельской семьи существенное влияние оказывают социально-экономические преобразования, происшедшие в республике, а также миграция и урбанизация.

Распределение семей по размеру по отдельным

	Числен. совместно прожив. чл. семей	Всего семей	В том числе семьи,		
			2	3	4
Все семьи в том числе: семьи, где все чл. принадл. к одной национал.	638264 613691	129054 123567	24934 23852	21316 20219	20263 19152
из них семьи, где все члены семьи:					
русские	62331	20455	8014	5495	4352
чеченцы	452387	86191	13438	12579	12601
ингуши	81365	13480	1711	1509	1534
семьи, где члены семьи принадл. к разн. национ.	24573	5487	1082	109	1111

* Таблица составлена по материалам статуправления ЧИАССР (1979 г.).

Приводимая ниже табл. 2 говорит о динамике численности и изменениях городского и сельского населения.

Таблица 2

Динамика численности городского и сельского населения
по национальностям (тыс. чел.)¹⁰

	Городское население			Сельское население		
	1959	1970	1979	1959	1970	1979
Всего по ЧИАССР	293,7	444,1	489,7	416,7	620,4	666,1
в том числе:						
чеченцы	22,3	90,8	137,7	221,6	418,1	437,7
ингуши	4,2	35,6	47,8	44,0	78,1	87,0
русские, украинцы	236,8	279,6	267,4	125,3	99,9	80,7
армяне	11,8	13,8	14,1	1,4	0,9	0,5
др. национальности и народности	18,6	24,4	22,5	25,4	23,4	34,9

национальностям ЧИАССР (сельское население)*

Таблица 1

состоящие из (число лиц)							
5	6	7	8	9	10 и более		Средний размер
					числ. сем.	в них лиц	
15869	13511	10749	8854	6004	7554	82874	4,9
15010	13011	10431	8591	5844	7372	80834	5,0
1625	482	131	37	11	8	81	3,1
11369	10531	8572	6960	4682	5480	59822	5,2
1521	1584	1406	1369	1074	1772	19711	6,0
777	500	315	263	160	183	2040	4,5

Так, городское население Чечено-Ингушетии с 1970 по 1979 г. выросло на 10,2%, а сельское — на 7,3%, за то же время чеченское население в городе и селе увеличилось на 34,3, а ингушское — на 11,3%¹¹.

Фактором, оказывающим влияние на численный состав, является и национальная принадлежность членов семьи (см. табл. 1).

Об относительном росте, с одной стороны, и некотором сокращении — с другой, говорят данные о среднем размере семьи чеченцев и ингушей¹².

	1959	1970	1979
чеченцы	4,4	5,6	5,2
ингуши	4,8	6,0	6,0

На численность семьи существенное влияние оказывает и социальная принадлежность ее членов (см. табл. 3). Отметим, что в социальной структуре населения республики произошли существенные изменения под влиянием урбанизации, механизации сель-

Распределение семей по размеру по отдельным

	Числен. совместно прожив. семей	Всего семей	В том числе семьи.		
			2	3	4
Все семьи	638264	129054	24934	21316	20263
в том числе:					
семьи, где члены					
принадл. к одной					
общ. группе	455917	94168	20477	15714	13781
из них семьи:					
рабочих	367012	72934	14198	11599	10324
служащих	23071	6197	16339	1586	1395
колхозников	65720	15000	4616	2525	2065
прочих	144	37	24	4	—
семьи, где чл.					
принадл. к разным					
общ. группам	182347	34866	4457	5602	6812
из них семьи:					
рабоч. и служ.	100726	19245	2083	3218	3870
рабочих и колхозн.	54386	10406	1679	1570	1646
служ. и колхозн.	15761	3365	619	612	708
прочих	11474	1870	71	202	258

* Таблица составлена по материалам статуправления ЧИАССР.

ского хозяйства, миграции и др. факторов. Постоянный рост производства сопровождается увеличением численности рабочих и служащих (см. табл. 4).

Таблица 4

Рост численности рабочих и служащих в народном хозяйстве¹³

Годы	Прирост, тыс. чел.	
	за весь период	в среднем за год
1951 — 1960	79,8	16,1
1961 — 1970	96,1	19,2
1971 — 1980	67,8	13,86
1981	4,4	4,4

Таблица 3

общественным группам ЧИАССР (сельское население)*

состоящие из (число лиц)							
5	6	7	8	9	10 и более		Средний размер
					число семей	в них лиц	
15869	13511	10749	8854	6004	7354	82874	4,9
11150	9605	7666	6340	4351	5084	55776	4,8
8789	7031	6566	5403	3715	4409	48371	5,0
819	365	195	95	46	50	59	3,7
1542	1300	905	844	590	616	6758	4,4
—	—	—	—	—	—	—	3,1
4719	3906	3083	2514	1653	2470	27098	5,2
2603	2262	1639	1392	822	1351	14822	5,2
1268	1176	2021	707	586	753	5261	5,2
461	262	232	190	126	155	1700	4,7
387	20	191	225	119	211	2315	6,1

Существенным фактором процесса социально-экономического развития является рост рабочего класса, который в значительной степени пополнялся за счет сельского населения. Если в классовом составе населения республики в 1959 г. рабочие и члены их семей составляли 60,1%, то к 1979 г. их удельный вес увеличился до 70,1%. Наблюдается также увеличение численности рабочих и служащих из числа чеченцев и ингушей: если в целом число работников народного хозяйства республики увеличилось за последнее десятилетие на 25%, то рабочих и служащих из коренной национальности — на 65%. Выросла численность специалистов из представителей коренной национальности (см. табл. 5).

Таблица 5

Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием (тыс. чел.)¹⁴

	1957	1960	1970	1980
Всего специалистов, занятых в народном хозяйстве	20,0	25,5	50,3	79,7
в том числе:				
чеченцев	0,3	0,8	6,0	18,3
ингушей	0,2	0,5	2,0	4,3
Имеют высшее образование — всего	8,1	10,1	20,1	33,9
в том числе:				
чеченцы	0,1	0,2	2,6	7,2
ингуши	0,2	0,2	1,0	2,3
Имеют среднее специальное образование — всего	11,9	15,0	29,8	45,8
в том числе:				
чеченцы	0,2	0,6	3,4	11,4
ингуши	0,1	0,3	1,0	2,5

В целом наши материалы говорят о том, что увеличение удельного веса работников квалифицированного труда приводит к однотипности культурных ориентиров и ценностных ориентаций работников умственного и физического труда, а, следовательно, и семейного быта. Особенно важно то, что с ростом общеобразовательного уровня возрастает удельный вес женщин — специалистов средней и высшей квалификации. Так, если в 1970 г. в Чечено-Ингушетии женщины с высшим и средним специальным образованием было 29,3 тыс. чел., то в 1980 г. — 46,2 тыс. чел., из них с высшим образованием — 10,5 тыс. чел., со средним специальным образованием в 1970 г. — 18,8 тыс., а в 1980 — 27,7 тыс. чел.¹⁵

Представляется, что в силу традиции семейно-родственная группа, состоявшая в прошлом из довольно широкого круга родственников по мужской линии, в настоящее время значительно сузилась. Сейчас в нее входят родители и выделившиеся семьи замужних дочерей, что ранее исключалось. Это обстоятельство объясняется новым положением женщины. Примечательно, что намного расширился круг неродственных друзей семьи, который включает товарищей по работе, учебе, соседей и т. д., причем представителей разных национальностей (русские, украинцы, народы Кавказа и т. д.). На положение женщины в семье и обществе большое влияние оказывает интернационализация семейно-

бытовых отношений. Существенное влияние на количественный состав семьи, особенно на уменьшение многодетных семей, оказала степень распространения среднего и высшего образования среди женщин и вовлечение их в общественно полезную деятельность. Степень занятости женщины в общественном производстве неуклонно возрастает с ростом общеобразовательного уровня.

Положение женщины в обществе, ее профессиональная занятость, культурное развитие оказывают влияние на весь семейный быт, в частности, на взаимоотношения ее членов. В системе взаимоотношений членов семьи нашли отражение социально-культурные изменения. Семья характеризуется тремя видами отношений: между супругами, между родителями, между детьми по половозрастному принципу. В том случае, если с супружеской парой живут родители, отношения становятся более сложными.

Общей тенденцией развития новых внутрисемейных взаимоотношений становится сокращение числа авторитарных семей и распространение семей с фактически признанным равенством родителей и взрослых детей. Эта тенденция характерна в целом для всей страны¹⁶, в том числе и для сельской семьи вайнахов. Естественно, что в городских семьях она выражена более рельефно. Понятие о главе семьи в большинстве современных семей чеченцев и ингушей носит в определенной мере формальный характер. Однако традиционно главой семьи остается мужчина, главенство которого основывается на общественном моральном авторитете старшего мужчины или мужа¹⁷. Главенство мужа (отца) в сельских семьях поддерживается и некоторыми юридическими правами, например, приусадебный участок оформляется на него. Как правило, в сельских Советах (по данным похозяйственных книг) главой семьи фиксирован старший мужчина. В отдельных случаях хозяйство оформляется на женатого сына с уходом отца на пенсию. В редких случаях семьи возглавляются одиночками или разведенными женщинами. Так, в с. Кошкельды таких семей оказалось 6 из общего числа 824; в с. Старая Сунжа — 150 из 1288 семей¹⁸.

Формальное главенство мужчины отражает нормы семейного этикета, в котором подчеркивается престиж мужчины. Жена, по традиции, подчеркнуто вежливо, уважительно относится к мужу, к его родственникам, друзьям и т. д. В сельских семьях больше придерживаются традиционного этикета, чем в городских. Но это отнюдь не означает, что в большинстве сельских семей женщина принижена. Напротив, будучи активной участницей в производственной и общественной жизни, она одновременно остается и хранительницей домашнего очага. В сельских семьях чеченцев и ингушей, так же как и в городских, женщина-мать, жена, как правило, ведает семейной кассой и по своему усмотрению регулирует се-

мейный бюджет (у вайнахов традиционно считалось немужским делом вмешиваться в домашние дела).

В различных жизненных ситуациях молодые члены семьи советуется со старшими, безусловно, прислушиваются к их советам, однако решающее слово оставляют за собой. В преобладающей части современных вайнахских семей внутрисемейные отношения основаны на фактическом полноправии всех ее членов, в том числе и женщин, на доверии и взаимопонимании. В первую очередь это обуславливается их участием в общественном труде и экономической независимостью. О существенных изменениях, происшедших во взаимоотношениях в семье, говорит и отношение к невестке. По нашим наблюдениям и материалам, она, как правило, равноправный член в новой для нее семье, ее уважают, с ней считаются, она учится или работает, а отношения невестки и свекрови основаны на взаимном уважении.

Во многих семьях, как в городских, так и в сельских, в некоторой степени сохраняется традиционное разделение домашней работы на «мужскую» и «женскую». Однако мужья, тем не менее, оказывают помощь жене в трудоемких домашних делах, а также по уходу и воспитанию детей (водят их в детские сады, ясли, на прогулки). Мужчины-отцы больше общаются с подростками: они совместно выполняют ту или иную работу по хозяйству (уход за скотом, обработка огорода, ремонт в доме и т. д.).

Одним из критериев воспитанности в крестьянских семьях чеченцев и ингушей считалось и считается до настоящего времени трудолюбие, которое воспитывалось с раннего детства. В современных сельских семьях, как и в прошлом, девочки с раннего детства (7—8 лет) оказывают матери, бабушке помощь в ведении домашнего хозяйства, выполняя ту или иную посильную работу (уборка помещений, мытье посуды, приготовление пищи и т. д.), а уже в 12—14 лет они стирают белье, белят, красят и т. д. В целом следует отметить, что в сельских семьях трудовому воспитанию уделяется больше внимания, нежели в городских. Это относится и к воспитанию нравственных качеств, которые еще не всегда согласуются с принципами социалистического общежития. Необходимо подчеркнуть и тот факт, что религиозность подрастающих поколений также воспроизводится более всего в сельских семьях и относится к числу остродействующих негативных факторов.

Этнографические, социологические и литературные материалы говорят о том, что по мере вовлечения женщины в общественное производство мужчины так или иначе вовлекаются в домашнее хозяйство и воспитание детей. На этот процесс самое благоприятное влияние оказывают разъяснительная работа о вреде раннего рода избеганий и пережитков и общее повышение нравственной культуры населения. Но, с другой стороны, те же источники

свидетельствуют о недостаточных темпах нашего движения в данном направлении, вследствие чего пройденный путь оказывается в ряде случаев короче того, который предстоит пройти¹⁹.

Большую роль в воспитании ребенка и уходе за ним играют старшие братья и сестры. Примечательно, что в семьях, где имеется несколько детей, характерную черту составляет дружба между ними. В большинстве случаев дети по достижении совершеннолетия рано становятся экономически независимыми, поэтому процесс выделения молодых супружеских пар стал в полной мере всеобщим.

Говоря о детности, отметим, что основной функцией семьи была и остается функция воспроизводства. В укреплении семьи, в ее количественном росте огромную роль сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». На основе этого постановления разработан целый комплекс мероприятий, который претворяется в жизнь. Эти мероприятия направлены на улучшение материального положения семьи, создание необходимых условий для совмещения женщиной роли матери с производственной работой. В 12-й пятилетке намечается шире применять для женщин неполный рабочий день или сокращенную рабочую неделю. Увеличится продолжительность оплачиваемого отпуска женщинам по уходу за ребенком до полутора лет, а также число оплачиваемых дней при болезни ребенка. Малообеспеченные семьи станут получать пособия на детей в возрасте до 12 лет. Ставится задача уже в ближайшие годы полностью удовлетворить потребности населения в детских дошкольных учреждениях²⁰. Естественно, эти и другие мероприятия способствуют улучшению демографического состояния страны, росту народонаселения.

В дореволюционный период и в первые годы Советской власти число детей не ограничивалось и семьи были в основном многодетными. Эта тенденция продолжалась вплоть до 60-х годов, когда в семьях было от 5 до 10 детей, а в 70-х годах число детей в семье снизилось до 3—5. Значительное влияние на количество детей в семье, по нашим полевым материалам, оказывает степень образования, социальная принадлежность, возраст женщины, характерная для того или иного периода ориентация на детность²¹. Так, во всех обследованных нами районах сельская интеллигенция, служащие имеют меньше детей, чем колхозники.

В чеченских и ингушских сельских семьях за маленькими детьми до определенного возраста ухаживает мать, однако по мере взросления, особенно в молодых семьях, отделившись от родителей, вместе с нею воспитанием и уходом занимается отец. Если в недалеком прошлом родители, особенно отцы, стеснялись при посторонних и даже при родственниках проявлять нежность и заботу

к малолетним детям, то теперь это исчезает. Значительную помощь по уходу за детьми оказывают бабушки и другие родственники, проживающие в семье.

Существенные изменения произошли в воспитании детей. Почти во всех вайнахских семьях практически ликвидировано привилегированное положение мальчиков, родители с одинаковой заботой относятся ко всем детям, впрочем девочкам уделяется даже большее внимание. Значительную помощь в воспитании детей оказывают дошкольные детские учреждения, школы, группы продленного дня, во многом способствующие общественному воспитанию детей. В воспитании, передаче детям знаний и опыта, нужных для достижения желаемого социального положения в обществе, ведущую роль играют родители. Авторитет каждого из родителей при этом определяется личными качествами, жизненным опытом. Новым явлением в быту сельского населения является поздравление родителей новорожденного сельскими Советами, организациями, где они работают. Имя ребенку, как правило, дают представители старшего поколения в семье. Однако от решения этого вопроса не отстранены и сами родители, о чем свидетельствует наличие современных интернациональных имен наряду с традиционными. Так, для примера мы взяли имена детей, родившихся в 1962, 1972, 1982 и 1984 гг. в с. Кошкельды²². В 1962 году — 67 имен, из них 7 — интернациональных; в 1972 — из 73—18; в 1982 — из 63—23; 1984 году из 61—25. Среди нетрадиционных, кроме русских имен, используются имена народов Кавказа, особенно контактирующих зон. Некоторые из них имеют аналогию с вайнахскими. Например, у чеченцев имя Сацита («хватит») давалось в случае, если подряд рождались девочки, иногда это имя заменялось дагестанским именем Таман в том же значении. Много иностранных имен: Индира, Илона, Феликс, Эдуард и т. д. Часть сельской интеллигенции, в отличие от других социальных слоев, продолжает стабильно пользоваться традиционными именами. Разнообразие имен является также одним из следствий больших изменений в современной сельской семье чеченцев и ингушей. Подобные явления наблюдаются и у других народов страны²³.

Поскольку семья в какой-то мере, по нашему мнению, утратила свою производственную функцию, оставаясь в основном ячейкой организации и потребления домашнего быта, благосостояние современной семьи уже не связано прямо с численным ее составом, а зависит от личного участия каждого трудоспособного члена в производстве вне семьи. В новых условиях совместный труд в семейном хозяйстве уже не имеет того значения, как в прошлом. С другой стороны, значительно выросла роль семьи в организации досуга ее членов, в создании специфической атмосферы домашнего очага, духовной близости, заботы и взаимопомощи, т. е. выро-

сла культурная функция сельской семьи. Более высокий уровень образования и культуры сельского населения способствовал тому, что духовная жизнь в сельских семьях не ограничивается участием в общественных и семейных праздниках и обрядах. Проблема потребления профессиональной культуры (посещение кино, просмотр телепередач, слушание радио, музыки, чтение газет и журналов, художественной литературы, посещение театров, концертов и т. д.) является одним из главных аспектов культурной функции сельской семьи. В обследованных нами селениях²⁴ свыше 80% сельских семей выписывают газеты и журналы, причем от пяти и более названий выписывают в семьях сельской интеллигенции. Так, в с. Толстой-юрт в 1970 г. выписывали газеты и журналы 60% населения, а в 1983 г. — 90%. Семья Гайлаева М. выписала 8 названий, семья Раисова М. — 5 и т. д. При этом уровень потребления культуры у молодого и среднего поколения выше, чем у старшего, что является результатом более высокого уровня образования²⁵.

О значительных социально-культурных изменениях на селе говорят полевые и статистические материалы. Если в с. Толстой-юрт до революции грамотных чеченцев можно было пересчитать по пальцам, то иная картина в настоящее время. 120—130 человек ежегодно заканчивают среднюю школу, 150 человек, в том числе 39 женщин, имеют высшее образование, а 350 — среднеспециальное образование, из них 120 женщины. Еще в 60—70-х годах среди учителей преобладали приезжие, а теперь в школах селения в основном преподают учителя местного происхождения, в разное время закончившие ту же школу. Более половины преподавательского состава — женщины. Молодежь селения обучается не только в вузах г. Грозного, но и других городов нашей страны. Среди них немалый процент составляют девушки²⁶. Аналогичная картина наблюдается и в других селениях.

Новая Конституция СССР уделяет большое внимание укреплению семьи и берет ее под защиту государства. Государство проявляет заботу о семье, как было сказано выше. Установленный в Советском государстве брачный возраст в основном в республике соблюдается. Еще в недавнем прошлом встречались нарушения в этом отношении, даже в сельских Советах преднамеренно увеличивался возраст девушек для оформления брака. Эти нарушения постепенно уходят в прошлое. Повышение уровня образования влечет за собой и повышение брачного возраста. Основной причиной откладывания замужества является учеба. По материалам статуправления, наибольшее число браков заключается в 24—29 лет²⁷. В прошлом брачный возраст для мужчин был относительно высок, что объяснялось экономической несостоятельностью, а также социальными препятствиями. В наше время для вступления в брак нет ни этнических, ни религиозных, ни соци-

альных ограничений. Тем не менее материалы архивов ЗАГСов, а также полевые наблюдения выявляют тенденцию сохранения чеченцами и ингушами внутрисемейной эндогамии²⁸.

За годы Советской власти произошло не только горизонтальное, т. е. территориальное, но и вертикальное расширение брачного круга, т. е. исчезли препятствия для браков между людьми разных национальностей, классов, социальных групп и т. д. Стали обычным явлением браки между рабочими, колхозниками и представителями интеллигенции. Так, по данным статистического управления ЧИАССР 1979 года, из всех 129 054 семей республики в 94 168 семьях супруги принадлежали к одной социальной группе (73%), в 34 886 — к разным общественным группам (27%)²⁹.

В семейно-бытовых отношениях чеченцев и ингушей наряду со становлением и утверждением новых обычаев и обрядов наблюдается наполнение традиционных обычаев и обрядов новым социалистическим содержанием. Однако продолжают сохраняться (особенно в сельских семьях) и негативные стороны семейно-бытовой обрядности. Так, свадебные обряды сопровождаются всевозможными платежами. Родители невесты берут, а родители жениха выплачивают значительные суммы, делают дорогие подарки. Этот вредный и реакционный обычай продолжает бытовать, несмотря на ликвидацию социальных основ, породивших его. В наши дни он бытует из-за престижа, дабы не уронить «достоинство» дочери или сына по принципу: «разве мой сын (дочь) хуже сына (дочери) того-то». Безусловно, не все семьи в состоянии нести большие затраты без ущерба семейному бюджету. В большинстве случаев эта практика создает нездоровую обстановку. Партийные и общественные организации (местные и республиканские), конечно, ведут активную борьбу против этого и других пережитков прошлого, и наша задача содействовать им.

За годы социалистического строительства и особенно в 50—80-х годах изменился национальный и социальный состав республики. Процессы межреспубликанской миграции и урбанизации способствовали интернационализации сел, трудовых коллективов, что, в свою очередь, явилось объективной основой интенсивного межнационального общения, широкого обмена культурными ценностями.

Существенным фактором развития единой социалистической культуры, активизации процесса интернационализации является русский язык, ставший языком межнационального общения. Он оказывает большое влияние на развитие культуры, быта и всей духовной жизни социалистической семьи. Владение русским языком открывает широкий доступ к достижениям художественной культуры как русского, так и других народов нашей страны и всего мира. Русский язык, являясь одним из основных факторов интеграции культур советских наций и народностей, способствует

ет активному усвоению культурных ценностей различных национальностей³⁰.

Таким образом, вследствие социально-культурных изменений, которые произошли в Чечено-Ингушетии в 50—80-х гг., в семье и семейном быту сельского населения произошли существенные изменения. Утратили первостепенную роль такие функции семьи, как потребление и производство, главными стали — воспроизводство и воспитание детей. Ускорился процесс исчезновения многих отрицательных традиций в семье и семейном быту. В демократизации внутрисемейных отношений важное значение приобрел уровень образования и социально-профессиональный статус семьи и ее членов. Дальнейшее экономическое и культурное развитие республики окажет еще более существенное воздействие на демократизацию семьи чеченцев и ингушей. Рост образовательного уровня и повышение квалификации населения утверждают все более равноправные отношения между супругами, способствуют самостоятельности детей.

В материалах XXVII съезда КПСС отмечается, что достижения в становлении новой социалистической семьи бесспорны. Вместе с тем, подчеркивается, что «формирование новой семьи — непростое дело», в котором проявляются негативные факторы, сказывающиеся «в первую очередь на воспитании детей, а также на моральном состоянии мужчин и женщин, их трудовой и общественной активности»³¹. Как было показано на втором пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС (апрель 1986 г.), целый ряд таких факторов действует и в Чечено-Ингушской АССР³².

Данная статья, отражая главную тенденцию в социально-культурном развитии семьи у чеченцев и ингушей на современном этапе, оставляет вне своих рамок большой круг вопросов, связанных с изменениями семьи и семейного быта вайнахов, преодолением традиций прошлого, изживших себя, но отнюдь не безболезненно уступающих место новому, прогрессивному.

Изучение всей суммы аспектов этой сложной проблемы является одной из актуальных задач этнографической науки в Чечено-Ингушской АССР.

1. Материалы XXVII съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1986. — С. 64.
2. Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партия в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. — М., 1985. — С. 31.
3. Шеланский Я. Элементарные понятия социологии. — М., 1969. — С. 141 — 142.
4. Харчев А. Г. Быт и семья в социалистическом обществе. — Л., 1963. — С. 19.
5. Материалы похозяйственных книг сс. Толстой-юрт и Старая Сунжа. Собраны в 1981—1982 гг., хранятся у автора.
6. Архив ЧИИИСФ. Полевые материалы историко-этнографической экспедиции З. И. Хасбулатовой 1981 г., с. 3; Полевые материалы автора 1985 г., к. 10 (далее: ПМА, год).
7. Хасбулатова З. И. Пережитки большой семьи у чеченцев в конце XIX — нач. XX в. // Проблемы истории СССР. — В. IX. — М.: изд-во Моск. ун-та, 1979. — С. 111—131.
8. ПМА, 1985, к. 8, 25. Интересна в этом отношении ингушская семья из с. Старая Сунжа. Глава семьи Мухарбек Е., с ним проживают его сестра, два женатых сына со своими семьями (один женат на русской, другой — на чеченке), замужняя дочь со своей семьей (муж — абхазец). Т. о. совместно проживают четыре супружеские пары четырех национальностей, всего в семье 18 человек.
9. Подсчитано по материалам Статуправления ЧИАССР.
10. 60 лет ЧИАССР: Статистический сборник. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. — 1982. — С. 16; 50 лет автономии Чечено-Ингушетии: Статистический сборник. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. — 1972. — С. 24.
11. 60 лет ЧИАССР... С. 16.
12. Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. // Вестник статистики. — М., 1965. — № 1; Материалы Всесоюзной переписи 1970 г. // Статистика. — М., 1974. — Т. VII; Материалы Статуправления ЧИАССР 1979 г. — Грозный. — 1982.
13. 60 лет ЧИАССР... — С. 16.
14. 60 лет ЧИАССР... — С. 81.
15. 60 лет ЧИАССР... — С. 81.
16. Современные этнические процессы в СССР. — М.: Наука, 1975. — С. 452.
17. ПМА, 1984, к. 15, 16, 17 и др.
18. ПМА, 1984, к. 16, 17; Материалы похозяйственных книг.
19. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. — М.: Мысль, 1979. — С. 280.
20. Материалы XXVII съезда КПСС. — С. 65, 66.
21. Материалы похозяйственных книг; ПМА, 1985, к. 25, 26, 27 и др.
22. ПМА, 1985, к. 25, 26 и др.
23. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. — М.: Наука, 1983. — С. 213—214; Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Дагестанская семья сегодня. — Махачкала: Дагкингиздат. — 1978. — С. 86; Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1981. — С. 91.
24. ПМА, 1985, к. 30, 32, 36; ПМА, 1984, к. 30.
25. ПМА, 1985, к. 9, 10, 11; ПМА, 1984, к. 17, 19, 30.

26. Материалы похозяйственных книг.
27. Хасбулатова З. И. Межнациональные браки в Чечено-Ингушетии // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1985. — С. 43.
28. Хасбулатова З. И. Современный облик чечено-ингушской семьи // Тезисы докладов Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 гг. — Ч. I. — Черновцы, 1984. — С. 247—248; она же. Межнациональные браки в Чечено-Ингушетии.
29. Материалы Статуправления ЧИАССР.
30. ПМА, 1985, к. 12, 15.
31. Материалы XXVII съезда КПСС. — С. 51—52.
32. Грозненский рабочий. — 1986 — 15 апр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Минувшая пятилетка ознаменовалась заметным оживлением научной деятельности этнографов Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» института истории, социологии и филологии и складывающегося вокруг них этнографического актива. Достаточно отметить тот факт, что с 1981 года впервые налажен регулярный выпуск специальных сборников статей, посвященных проблемам этнографии Чечено-Ингушетии. Сериал этих небольших по объему, строго тематических изданий включает в себя следующие сборники: «Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период» (отв. ред. В. Б. Виноградов) (Грозный, 1981, 103 с.); «Семейно-бытовая обрядность вайнахов» (отв. ред. В. Б. Виноградов) (Грозный, 1982, 84 с.); «Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии» (отв. ред. В. Б. Виноградов) (Грозный, 1983, 96 с.); «Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии» (отв. ред. В. Б. Виноградов и М. Б. Мужухоев) (Грозный, 1984, 128 с.); «Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии» (отв. ред. З. А. Мадаева) (Грозный, 1985, 93 с.). Обратившись к ним, легко убедиться, что авторские коллективы, стабильно включающие в себя специалистов местных института и университета, а также этнографов Москвы или Ленинграда, сконцентрировали свое внимание на исследовании достаточно актуальной проблематики, причем совершенно очевидна не только тенденция постепенного расширения научных интересов в изучении многих аспектов дореволюционного прошлого, но и все более проявляющийся принципиально важный поворот к тематике советской эпохи, вплоть до сегодняшнего дня. Следует подчеркнуть, что подобное гармоничное сочетание двух взаимообусловленных направлений отечественной этнографии — генеральная черта изданий, запланированных и на XII пятилетку.

Достоинством вышеназванных сборников является и охват ими не только собственно вайнахского, но и других этнических групп населения нашего края и прежде всего восточнославянско-

го старожильского населения — гребенских и терских казаков; пристальное внимание к данным этнографии и фольклора, проливающим дополнительный свет на актуальнейшую проблему местной истории — добровольное вхождение Чечено-Ингушетии в состав России — как длительного процесса, охватившего период с середины XVI в. до 1781 г. и сыгравшего огромную роль в последующих исторических судьбах населения края.

Вышедшие в свет сборники не остались незамеченными советской наукой. Их статьи активно используются специалистами. Один из сборников отмечен обстоятельной рецензией в центральном академическом журнале (см.: Смирнова Я. С. Семейно-бытовая обрядность вайнахов// Советская этнография. — 1984, — № 4. — С. 164—166). Весь сериал нашел свое отражение в числе изданий, «посвященных наиболее актуальным проблемам», разрабатываемым советской этнографической наукой на современном этапе (см.: Бромлей Ю. В., Тер-Саркисянц А. Е. Советская этнографическая наука на рубеже двух пятилеток// Советская этнография. — 1986. — № 2. — С. 3—24).

Можно надеяться, что нынешний сборник также найдет признание и практическое научное применение. Его своевременность доказывается прежде всего тем существенным развитием, которое в последнее время (после второй Всесоюзной школы-семинара по этносоциологии весной 1981 г. в Баку) получили этносоциологические исследования (см., например: Арутюнян Ю. В., Дроблжева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований. — М.: Наука, 1984). В них особое место уделялось таким важным проблемам, как формирование советского образа жизни, роль национального и интернационального в процессе образования и развития новой социальной и интернациональной общности советского народа. Была предложена более широкая интерпретация социальной однородности наций, включающая, кроме стирания границ между классами и социально-профессиональными группами, развитие общих черт культуры, морали и быта. Статьи нынешнего сборника хорошо иллюстрируют это.

Однако, как подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «наши достижения не должны создавать представления о беспрепятственности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере». Вот почему в ходе углубленного этнографического изучения современности на первый план выходит также и внимательное выявление этнического своеобразия современного образа жизни, бытовой культуры, этносоциальных процессов у народов СССР, в том числе и Чечено-Ингушской АССР, как органической части РСФСР.

Предлагаемый читателям сборник в целом отвечает этой дву-

единой задаче. Начиная с первой статьи, посвященной далекому прошлому, и вплоть до завершающей его работы, он аргументированно показывает, что этносоциальные и культурно-бытовые процессы у вайнахов протекали в соответствии с внутренними формационными условиями и в тесном взаимодействии с окружающим миром. Блок статей, касающихся советского периода в культуре и быте коренных этносов Чечено-Ингушской АССР, несет в себе очевидный не только научно-познавательный, но и идейно-воспитательный потенциал, наглядно демонстрируя те преобразования, очевидцами и участниками которых мы являемся.

Вместе с тем, авторы и редколлегия далеки от самоуспокоенности. Они отдают отчет, что данный сборник (как и некоторые предшествующие) все еще несет в себе больше признаков внимания к позитивной стороне перестройки культуры и быта населения Чечено-Ингушской АССР. Нисколько не умаляя значения такого подхода, нужно безотлагательно сконцентрировать усилия ученых-этнографов и на остропазревшей необходимости научно-доказательного отпора «реакционно-националистическим, шовинистическим и религиозным пережиткам, противоречащим нашей идеологии, социалистическому образу жизни, научному мировоззрению». Достоверный анализ негативных факторов, тормозящих движение вперед, становится первоочередным долгом научных кадров, равным образом как и аргументированный показ реальных успехов и достижений социалистического строительства.

С чувством глубокой ответственности и понимания стоящих перед ними задач этнографы республики вступают в новую пятилетку, осененную историческими решениями XXVII съезда КПСС и последующих Пленумов Центрального Комитета нашей партии.

В. Б. Виноградов, З. А. Мадаева.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Виноградов Виталий Борисович — заведующий кафедрой всеобщей истории ЧИГУ, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР и Чечено-Ингушской АССР.

Заурбекова Галина Висасвна — аспирантка сектора конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР.

Мадаева Зура Абдурашидовна — заведующая сектором археологии и этнографии ЧИИИСФ, кандидат исторических наук.

Хасбулатова Зулай Имрановна — старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИИИСФ, кандидат исторических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
В. Б. Виноградов. К оценке социально-этнических процессов у населения горной Чечни в XVII в. (на примере Аргунского ущелья)	8
Г. В. Заурбекова. Основные тенденции изменения социально-классового состава населения Чечено-Ингушетии за годы Советской власти . .	19
З. А. Мадаева. Социально-культурные изменения в сельских районах Че- чено-Ингушетии (на примере с-за «Шалинский»)	32
З. И. Хасбулатова. Отражение социально-культурных изменений в совре- менной семье чеченцев и ингушей (50—80-е гг.)	40
В. Б. Виноградов, З. А. Мадаева. Заключение	58
Краткие сведения об авторах	61

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ**

Редактор И. Р. Садулаева
Технический редактор В. В. Шенелева
Корректор Н. П. Арустамова

Сдано в набор и подписано к печати 11.08.1986 г.
СФ03340. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 3,75. Тираж 1000.
Заказ № 12799. Цена 24 коп.

Типография им. И. Н. Заболотного Государственного комитета
Чечено-Ингушской АССР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли. 364021, Грозный, ул. Интернациональная, 12/33.

24 коп.